

ИСТОРИК МАДКСИСТ

Ж У Р Н А Л

Т О М

15 16

1 9 3 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.	
СТАТЬИ	
М. Н. Покровский. Америка и война 1914 г. (продолжение)	3
А. Малышев. О феодализме и крепостничестве (первая часть)	43
ДОКЛАДЫ В ОБЩЕСТВЕ	
М. Н. Покровский. По поводу юбилея Народной воли	74
Дискуссия о Народной воле	86
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ	
А. Слуцкий. Новая книга по истории империализма (книга для чтения по истории нового и новейшего времени, т. III)	144
РЕЦЕНЗИИ	
С. Моносов. Матьеэ. Термидорианская реакция. М. Нечкина. Штраух. К вопросу о генезисе социальных воззрений Н. Г. Чернышевского. В. Хвостов. К. Новак. Версаль. И. Минц. Новые материалы о «левых» коммунистах. А. Шестаков. Мамет. Ойратия	153
ХРОНИКА	
В Обществе историков-марксистов	
Резолюции, принятые на Общем собрании общества от 1911—30 г.	165
К юбилею Д. Б. Рязанова	168
Поправка	169

Vеб-публикация: Vive Libertà, 2014

Назовем по именам участников этой дискуссии (хотя, к сожалению, не обо всех информацию нам удалось найти). Даже краткие сведения об их биографиях позволяют, на наш взгляд, понять, почему дискуссия о Народной Воле была для них столь важной и принципиальной. - редакторы VL.

ГАЗГАНОВ Э. Я.

1900–1937

слушатель исторического отделения Института красной профессуры; в 1936 г. - ректор Смоленского пединститута. Упоминается в числе встречавшихся с И.В.Сталиным

<http://istmat.info/node/28695>

Был женат на сестре Яна Борисовича Гамарника - Файнне Борисовне

http://militera.lib.ru/research/cheryshev_ns/06.html

ГЕНКИНА Эсфирь Борисовна

1901, Киев, - 1978, М.

историк, д-р ист. наук (1939), проф. (1939). В 1920-23 училась в Коммунистич. ун-те им.Я.М.Свердлова. В 1923–25 преподавала историю в Губсовпаршколе и на рабфаке в Туле. В 1925-30 училась в Ин-те красной профессуры (в семинаре М.Н.Покровского), одноврем. преподавала в Коммунистич. ун-те им.Свердлова и Междунар. Ленинской школе. В 1930-35- на парт. работе в Горьком, Иванове, Саратове и Сталинграде, читала лекции в разл. уч. заведениях. В 1935-41 работала в секретариате Глав. ред. «Истории гражд. войны» Политиздата. В 1941–42 преподавала в Челябинском мед. ин-те. В 1942–45 работала в Комиссии по истории Вел. Отеч. войны при През. АН СССР. В 1945-49 - в Ин-те истории АН СССР. В 1949–58 читала лекции на ист. ф-те МГУ.

Автор работ по истории февр. и окт. рев-ций 1917, гражд. войны 1917–22, становлению сов. гос. аппарата и экон. развитию СССР в 1920–30-е гг. Участвовала в подготовке коллективных обобщающих изданий по истории СССР.

http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GENKINA_Esfir'_Borisovna/_Genkina_E.B..html

ГОРИН Павел Осипович (наст. Коляда или Коледа)

15.01.1900, Береза Брестской обл., - 25.04.1938 или 5.02.1939

историк, государственный деятель. Академик Национальной академии наук Беларуси (1931), доктор исторических наук (1934).

<http://nasb.gov.by/rus/members/academicians/gorin.php>

<http://www.belarusam.ru/bel-1-1-5-28.html>

МАЛАХОВСКИЙ Владимир Филиппович

1894-1940

http://www.istoriaccr.ru/malahovskii_vladimir.html

МИЦКЕВИЧ Сергей Иванович

(6)18.08.1869, Яранск, ныне Кировской обл., – 12.09.1944, Москва

советский врач, партийный и государственный деятель, один из первых организаторов советского здравоохранения; кроме того, историк. Его работа о «Народной Воле»: «На грани двух эпох. От народничества к марксизму» (М., 1937). Очевидно, поэтому он и приглашен к дискуссии.

Член Коммунистической партии с 1893. В 1893 окончил медицинский факультет Московского университета. Со студенческих лет участвовал в революционном движении. Совместно с А.Н.Винокуровым организовал (1893) первую в Москве марксистскую группу, ставшую ядром московского "Рабочего союза". В 1894 арестован, с 1897 – в ссылке (Якутия), где работал окружным врачом; организовал в Среднеколымске больницу и лепрозорий, изучал специфические заболевания местного населения (см. Одержанность). С 1903 врач в Москве, с 1906 в Нижнем Новгороде, с 1914 в Саратове. После Октябрьской революции 1917 член медицинской коллегии Наркомата внутренних дел, член Совета врачебных коллегий. В 1918 заместитель заведующего Московским отделом народного образования. С 1919 помощник начальника санчасти Южного и Юго-Западного фронтов, затем работал в органах народного образования. Один из организаторов (1922) и директор (1924–34) Музея Революции. В 1922–24 член коллегии Исппарта при ЦК РКП(б).

Делегат 9-го съезда РКП(б). В последние годы жизни занимался литературной деятельностью. Автобиографии: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biology/84508/Мицкевич

НЕВСКИЙ Владимир Иванович (наст. имя - Кривобок или Кривобоков Феодосий Иванович)
(14)2.05.1876, Ростов-на-Дону, – 26.05.1937, Москва

российский профессиональный революционер, большевик, историк

http://www.istoriacccr.ru/nevskii_vladimir_iva.html

ПОКРОВСКИЙ Михаил Николаевич

(17)29.08.1868 17.08.1868, Москва - 10.04.1932, Москва

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p99656966.htm>

http://az.lib.ru/p/pokrowskij_m_n/

<http://istmat.info/node/27670>

ПОТАШ Моисей Абрамович

26.04.1892, Двинск, - ?

РЫНДИЧ Андриан Филиппович

(3)15.05.1893, м.Семеновка Новоозыбковского у. Черниговской губ., – 11.06.1937, Ростов-на-Дону

<http://www.knowbysight.info/RRR/12903.asp>

САВЕЛЬЕВ Максимилиан Александрович (партийные псевдонимы Ветров, Никита, Валерьян)

19.02.1884, Нижний Новгород, – 15.05.1939, Москва

советский экономист, журналист, академик АН СССР (1932), партийный и государственный деятель; в 1928-30 директор Института В.И.Ленина. С 1932 председатель Президиума Коммунистической академии, с 1936 - заместитель директора ИМЛ.

В дискуссии, видимо, принимает участие как заместитель заведующего Истпартом при ЦК ВКП(б).

ТАТАРОВ (наст. - Каган) Исаак Львович

(18.04)1.05.1901, Вильно, - 23.03.1938

один из организаторов коммунистич. юношеского движения, сов. парт. и науч. работник, историк. Член Коммунистич. партии с 1919. Учился в гимназии в Петрограде. С нач. 1917 - чл. общества социалистов-учащихся, с авг. 1917 - чл. Социалистич. союза рабочей молодежи в Петрограде. В 1918-20 - секретарь Петрогр. к-та РКСМ, редактор журн. "Юный пролетарий". В 1920-21 - секретарь ЦК РКСМ. Делегат 1-3-го съездов РКСМ. Был чл. Исполкома КИМ. Делегат X съезда РКП(б); участник подавления Кронштадтского мятежа. В 1922-24 учился в Петроградском университете; работал преподавателем истории партии в Военно-политич. академии им.Н.Г.Толмачева, затем в Коммунистич. университете трудящихся Востока (Москва). С 1926 работал в Истпарте и в институте Ленина, член редколлегии и ответственный секретарь журнала "Историк-марксист", член Общества историков-марксистов. Преподавал на курсах марксизма при ЦК ВКП(б), в Институте красной профессуры. Автор ряда работ по истории партии. Один из подготовителей 2-го и 3-го изданий Собр. соч. В.И.Ленина.

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/17338/ТАТАРОВ>

ТЕОДОРОВИЧ Иван Адольфович

(29.08)10.09.1875, Смоленск, – 20.09.1937, Москва

российский революционер, советский государственный деятель, историк революционного движения

http://www.istoriacccr.ru/teodorovith_ivan_ado.html

ФРИДЛЯНД Цви (Григорий) Самойлович

27.09.1896 или 1897 – 8.03.1838 (1940 ?)

<http://vive-liberta.diary.ru/p74535451.htm&from=0#266589023>

<http://istmat.info/node/27907>

ЮГОВ М. А(ронович)

Возможно, брат или сын меньшевика АRONA АБРАМОВИЧА ЮГОВА (Фрумсона)

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/202118>

ЯРОСЛАВСКИЙ Емельян Михайлович (наст. имя - Губельман Миней Иэральевич)

(19.02)3.03.1878, Чита, – 4.12.1943, Москва

<http://www.ateism.ru/articles/comrad04.htm>

ДОКЛАДЫ В ОБЩЕСТВЕ

Михаил Николаевич Покровский

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ НАРОДНОЙ ВОЛИ

«Кого опыт величайшей эпохи в новой, современной России не научил отличать реального содержания народничества от словесной оболочки его,—тот безнадежен, того нельзя брать в серьез...»

(Ленин, О народничестве).

Широкая, всенародная постановка юбилея Народной Воли явилась, не стоит этого скрывать от себя, некоторой неожиданностью. Мы прошли мимо таких юбилейных дат, как демонстрация у Казанского собора, как образование Земли и Воли, как возникновение первых рабочих союзов—почти молча. О Бардиной и ее товарищах, работавших среди пролетариата; буквально никто не вспомнил. А пятидесятилетие возникновения Исполнительного Комитета разрастается в праздник шире юбилея Чернышевского, гораздо шире юбилея Бакунина.

Если бы это можно было объяснить желанием воздать должное тем великим революционерам народовольческой эпохи, которых мы еще имеем счастье видеть среди нас, дело было бы более или менее понятно. Но, к сожалению, индивидуалистические объяснения никак не могут быть признаны убедительными с точки зрения научного социализма. И в данном случае такое объяснение лопается с первых же шагов. Значение Веры Николаевны Фигнер в истории русского революционного движения не станет ни больше, ни меньше от того, правильно или неправильно представляем мы себе идеологическое соотношение народничества и марксизма. Юбилей Народной Воли ровно ничего не выиграет, если мы будем изображать народовольцев тем, чем они не были. Напротив, всякое тенденциозное исказжение истории Народной Воли только повредит юбилею. Борясь против антиреволюционной тенденции возвеличения народовольцев за то, чем они не были, легко впасть в противоположную крайность—отрицания за Народной Волей того значения, какое она несомненно имела. Можно опасаться, что нечто подобное уже есть налицо. В самом деле, кто теперь говорит о Народной Воле? Все говорят о т. Теодоровиче. Но ведь не его же юбилей справляется. Крайне редкий и, конечно, нежелательный случай—фигура одного из «приветствующих» заслонила юбиляра. Совершенно нежелательный случай, ибо какие бы ошибки ни совершились т. Теодоровичем, сами по себе они не могут изменить репутации Народной Воли ни в ту, ни в другую сторону.

Если эта небольшая заметка несколько исправит аберрацию и переведет внимание хотя бы только читателей «Историка-марксиста» от участников юбилея к самому юбиляру, автор будет очень счастлив. Революционное народничество чрезвычайно высоко ставил Ленин. Революционному народничеству мы чрезвычайно многим обязаны,—как по линии организационных форм в наш подпольный период, так и по линии чисто политической борьбы традиция признана здесь опять-таки самим

же Лениным. Совершенно дико было бы, конечно, утверждать, что большевизм отделен от всего предшествующего революционного движения непроницаемой переборкой. Это было бы совершенно антиленинское утверждение¹. И если жалко, что мы, с позволения сказать, проспали целий ряд дат народнической революции—дат, иные из которых были бы ближе к нам, чем Народная Воля: по линии организационных форм Ленин отводил первое место Земле и Воле, кульминационным пунктом всего движения он считал «хождение в народ»,—то и образование Народной Воли дата настолько крупная, что пропустить ее было бы невозможно ни при какой обстановке, а если мы только с нее начинаем, так что же: лучше поздно, чем никогда.

Но если никому не придет в голову отрицать, что мы связаны с предшествующими, добольшевистскими, фазами развития революционного движения, то из этого никак не следует, что мы из этих фаз, или из одной из них, вышли. Те, кто видит в якобинцах ли или в народовольцах прямо «предшественников» большевизма, становятся на явно не марксистскую позицию—скатываются к представлению о революционном движении, как о чем-то внеклассовом, несущемся самостоительно и независимо над общим процессом экономической и социальной истории. Ленин этого, разумеется, никогда не делал. Свои «три поколения» русских революционеров он сейчас же поясняет как «три класса, действовавшие в русской революции»: сначала «дворяне и помещики», затем «революционеры-разночинцы» («начиная с Чернышевского и кончая героями Народной Воли»), наконец «пролетариат». И в этой классовой основе вся суть дела. Большевизма не было бы, если бы не был пролетариат,—но большевизм, при наличии пролетарского движения, был бы, если бы и не было народовольцев, как для существования самих народовольцев вовсе не обязательно было существование декабристов. Желябов вовсе не предполагает, как необходимую логическую предпосылку, Пестеля. Исторически, в данной конкретной обстановке, они следовали в таком порядке—но в иной конкретной обстановке те или иные звенья могли бы и отсутствовать. Когда мы говорим, что то или иное явление из области революционного прошлого «предвосхищает» то или иное явление из области новейшего революционного движения, мы хотим только сказать, что между этими явлениями существует известная аналогия,—но это вовсе не значит, что второе явление вышло из первого. Так Энгельс, когда он говорил, что расстановка классовых сил в великой крестьянской войне XVI в. предвосхищает расстановку их в революции 1848 года, конечно, не хотел этим сказать, что революция 1848 года развилась из крестьянской войны. Но аналогия была, и эту аналогию стоило отметить, ибо одно давало лучше понять другое.

Но эти аналогии принесут нам какую-нибудь пользу только в том случае, если мы будем исходить из сути дела, т. е. из классового анализа. «Всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о классах: о революции какого класса идет речь?»². Только этот анализ вносит какой-нибудь смысл в наши аналогии. Почему, например, можно установить известную

¹ Ярче всего мысль о преемстве революционных «поколений» выражена Лениным в заключительных строках статьи «Памяти Герцена». Ср. также «О национальной гордости великороссов». Об организационном влиянии революционного народничества на большевизм см. «Что делать?»

² Статья Ленина «За деревьями не видят леса», август 1917 г.

«традицию» от декабристов через народников до большевиков в деле борьбы с самодержавием? Да потому, что для различных классов, представленных в революции теми, другими и третьими, низвержение крепостнического государства по разным причинам представляло общую задачу. Феодальное землевладение с его политической верхушкой стояло поперек дороги одинаково как капиталистическому фермеру, которого представлял, сознательно или бессознательно, для нас теперь все равно, Пестель, и массе крестьянства, которую сознательно представляли революционные народники, и пролетариату. Но значит ли это, что можно в общем устанавливать «традиции» между различными формами революционного движения вне этого совпадения определенных классовых интересов? Можно ли установить «традицию» от Пестеля, сознательно (на этот раз нет сомнений) стремившегося расчистить путь капитализму в России, к народникам, бешено боровшимся против самой идеи, что в России возможен капитализм? Можно ли сопоставлять то, что называли «социализмом» народники, с тем, что называем социализмом мы, игнорируя тот факт, что классовая база в обоих случаях совершенно различная?

Последний вопрос может показаться риторическим, поскольку еще Коммунистический манифест установил с достаточной четкостью, что «социализм» может быть и реакционным,—мелкобуржуазный социализм вообще, а «утопический» на определенной стадии своего развития. О мелкобуржуазном социализме Манифест говорит, что «по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения, и старое общество; или же он старается насилием удержать новейшие средства производства и сношения в рамке старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим». А о «критически-утопическом» социализме Маркс и Энгельс говорят, что его значение «стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные sectы».

Это последнее место Манифеста замечательно тем, что оно за сорок лет предвосхитило как раз эволюцию нашего народничества, не случайно выродившегося из учения Чернышевского и революционеров 70-х годов в учение Южакова и Михайловского. Оттого Ленин, вопреки мнению т. Теодоровича, никогда не делал принципиального различия между идеями классического народничества и идеями эпигонов: как теория это была для него одна теория на различных ступенях ее развития. Различие он делал по отношению к носителям этой теории, поскольку «классики» были охвачены искренним революционным энтузиазмом, тогда как «эпигоны» сами в сущности уже не верили в свой социализм.

Но так как т. Теодоровичу удалось внести в это дело порядочную дозу путаницы, в которой, как мне кажется, не вполне разобрались его оппоненты, то необходимо привести соответствующие тексты Ленина в подлиннике. Вот что он писал в «Что такое друзья народа?»: «Прошу заметить, что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями

народа» и не с их идеями—потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа»—только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма вообще, то это потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурно-оппортунистской программы. Могут сказать, что это—вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше—общим и основным положениям старого русского социализма. И если социалисты нашли бы, что эти положения изложены мною неверно или неточно или недоговорены, то я могу ответить только покорнейшей просьбой: пожалуйста, господа, изложите их сами, договорите их как следует!»

И далее: «Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями социализма. Разобранные мелкобуржуазные теории являются безусловно реакционными, поскольку они выступают в качестве социалистических теорий. Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т. е. все эти теории безусловно не объясняют эксплоатации трудящегося и потому абсолютно неспособны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии,—тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам? И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении»³.

Эта характеристика народничества у Ленина чрезвычайно устойчива, и было бы просто смешно говорить о каких-либо колебаниях у него в этом вопросе на том основании, что местами он дает несколько иные—но не принципиально отличные—формулировки. Выписанные сейчас строки относятся к 1894 г. А вот что Ленин писал о том же в 1913 г.: «Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов. Экономическую теорию народников разрабатывали всего цельнее В. В. (Воронцов) и

³ Ленин, Соч., т. I, изд. 3-е, с. 183—184.

Николай—он в 80-х годах прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленно взгляды левых народников. Революция 1905 года, показав все общественные силы России в открытом, массовом действии классов, дала генеральную проверку народничеству и определила его место. Крестьянская демократия—вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества.

Русская либеральная буржуазия по своему экономическому положению вынуждена стремиться не к уничтожению привилегий Пуришкевича и К-о, а к их разделу между крепостниками и капиталистами. Наоборот, буржуазная демократия в России—крестьянство—вынуждена стремиться к уничтожению всех этих привилегий. Фразы о «социализме» у народников, о «социализации земли», уравнительности и т. п.—простая словесность, облекающая реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения.

Революция 1905 года окончательно раскрыла эту социальную сущность народничества, эту классовую природу его. Движение масс—и в форме крестьянских союзов 1905 года, и в форме крестьянской борьбы на местах в 1905 и 1906 годах, и в форме выборов в обе первые Думы (создание «трудовых» групп)—все эти великие социальные факты, показавшие нам в действии миллионы крестьян, отмели, как пыль, народническую, якобы социалистическую, фразу и вскрыли ядро: крестьянскую (буржуазную) демократию с громадным, еще не исчерпанным запасом сил»⁴.

Итак, в «социализме» народников (всех народников, как «классиков», так и «эпигонов») «социалистического ровно ничего нет», «фразы о социализме» у народников... простая словесность». Реальное содержание народничества—«крестьянская (буржуазная) демократия».

Это—язык ленинизма, и сколько нужно было усилий, чтобы отвести глаза читателю от этих кристально-ясных положений!

Само собою разумеется, что по этой линии, по линии социализма, никакой «традиции» от народников к большевикам устанавливать нельзя, поскольку у первых была одна «словесность» (в которой основоположники народничества искренно видели подлинно революционное учение и которой их ученики придерживались уже просто по привычке), а вторые являются создателями наиболее революционной и наиболее действенной формы социализма, какая только существует. Линия развития, правильно намеченная еще Марксом в 1848 году, идет от «классиков» к «эпигонам», а не от народников к большевикам. Из народовольцев по этой линии развились эсеры—и то, что в момент социалистической революции эти наследники народничества оказались в буржуазном лагере, так же мало случайно, как и падение до Южакова народнической теории четвертью столетия ранее. Замечательно, что и эту зависимость мелкобуржуазного «социализма» от буржуазии Ленин также предвидел за много лет вперед.

В том же 1894 году, в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве», Ленин, процитировав фразу Южакова о «буржуазном направлении, принятом нашим обществом за последние годы», спрашивает: «Неужели только «за последние годы»? Не выражалось ли оно вполне ясно в 60-е годы? Не господствовало ли оно и в течение всех 70-х годов?..» «На самом деле—в течение всех этих

⁴ Ленин, О народничестве. Соч. т. XII, ч. 2, с. 23.

трех периодов пореформенной истории наш идеолог крестьянства всегда стоял рядом с «обществом» и вместе с ним, не понимая, что буржуазность этого «общества» отнимает всякую силу у его протеста против буржуазности и неизбежно осуждает его либо на мечтания, либо на жалкие мелкобуржуазные компромиссы.—Эта близость нашего народничества («в принципе» враждебного либерализму) к либеральному обществу умилляла многих и даже по сю пору продолжает умилить г-на В. В. (ср. его статью в «Неделе» за 1894 г., №№ 47-49). Из этого выводят слабость или даже отсутствие у нас буржуазной интеллигенции, что и ставится в связь с беспочвенностью русского капитализма. На самом же деле как раз наоборот: эта близость является сильнейшим доводом против народничества, прямым подтверждением его мелкобуржуазности. Как в жизни мелкий производитель сливаются с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева,—так идеолог мелкого производителя сливаются с либералом, обсуждая совместно вопросы о разных кредитах, артелях etc.; как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповаёт на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение земли и т. п.—так народник доверяет либеральному «обществу» и его подернутой «некончаемой фальшью и лицемерием» болтовне о «народе». Если он иногда и обругает «общество», то тут же прибавит, что это только «за последние годы» оно испортилось, а вообще и само по себе недурно⁵.

Читатель видит, до чего смехотворно негодование т. Теодоровича на некоего Покровского за то, что этот последний (через 26 лет после Ленина!) осмелился говорить о близости народников к либералам⁶.

Негодование столь обуревает т. Теодоровича, что он цитирует даже не то место «Сжатого очерка», которое ему нужно: грехопадение Покровского совершено им на с. 192—193, а т. Теодорович цитирует со с. 203 строчки, являющиеся комментарием к словам Желябова: «Вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело». Так как эти слова Желябова у т. Теодоровича опущены, то, я боюсь, читатель просто не поймет, в чем же дело? Для этого я и отсылаю его к с. 192—193, где это объяснено.

Я не даром подчеркнул слова Ленина о том, что «идеолог крестьянства» стоял «рядом с обществом» (т. е. с буржуазией) «в течение всех этих трех периодов», т. е. и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е—90-е годы XIX столетия. Эти слова, хотя и вызванные наивностью одного из «эпигонов», относятся не только к ним, но и к «классикам». Половинчатое, не до конца революционное, отношение народничества к буржуазии вытекает из мелкобуржуазной природы народничества и не зависит от того, имеем ли мы дело с искренними или неискренними представителями данной доктрины. Поскольку речь здесь идет о классовой природе данного движения, тут вообще моральные категории неприложимы—и для народников их близость к либеральной буржуазии не является ни похвалой, ни укоризной. Просто иначе они относятся к «обществу» по классовой своей природе не могли. И надо было совершенно и беззастенчиво уверовать в то, что народовольцы—предтечи большевиков, для того, чтобы к их поведению прилагать большевистские нормы. Для большевика

⁵ Ленин, Соч., т. II, изд. 1-е, с. 51—52. Разрядка моя—М. П.

⁶ «Каторга и ссылка» № 1, 1930 г., с. 120.

примиренческое отношение к буржуазии, конечно, стыд и позор, ибо это измена своему классу. А идеолог мелкой буржуазии отнюдь в этом отношении своему классу не изменял. Обращаю внимание и на то, что Ленин здесь определенно говорит об «идеолого крестьянства»—это мешает играть на том, что Ленин для отличия «классиков» от «эпигонов» иногда называет первых «крестьянскими социалистами», вторых «мещанскими социалистами». Здесь речь идет как о вторых, так и о первых.

Приведенные высказывания Ленина избавляют нас с читателем от всякой необходимости критиковать основное положение концепции т. Теодоровича, изложенное им на с. 36 своей первой статьи⁷: «В свете громадных событий последнего пятнадцатилетия, в свете гениальных синтезов ленинизма легко увидеть в построениях народовольчества целый ряд тезисов, одних—в развитой, других—в зародышевой форме, которые суммируют великий опыт борьбы масс мелких товаропроизводителей, воспринятый, критически переработанный и обогащенный пролетариатом».

Так как дальше следует характеристика основных признаков «социалистической революции, совершенной рабочими под руководством большевиков в октябре 1917 г.», то совершенно очевидно, что «критически переработанный» «опыт борьбы масс мелких товаропроизводителей» лег в основу коммунизма, а не чего другого. Ленин как будто предвидел т. Теодоровича, когда настойчиво повторял, что из «опыта борьбы масс мелких товаропроизводителей» могла получиться только «крестьянская (буржуазная) демократия», а никак не большевизм. На социалистическую дорогу крестьянство могло повернуть только благодаря диктатуре пролетариата, а никак не благодаря «крестьянскому социализму», который развивался, должен был развиваться, не мог не развиваться совсем в другую сторону. «Гениальные синтезы ленинизма» ничем не обязаны и не могли быть обязаны революционному народничеству, в частности народовольчеству. Заслуга Ленина именно в том, что он преодолел народническое мировоззрение так четко, как никто другой. Традицию от революционного народничества Ленин вел не по линии социализма, а по другой линии—какой, мы отчасти видели выше и еще увидим дальше. Но если большевизм своими положительными чертами ничем не обязан народничеству и в частности народовольчеству, то никак нельзя сказать, чтобы народничество не внесло ничего отрицательного в большевистскую литературу,—не портило, попросту говоря, исторических оценок, даваемых некоторыми большевиками. Приведенные цитаты из сочинений Ленина, между прочим, и тем хороши, что они расшифровывают термин «крестьянский социализм», гулявший еще недавно по страницам наших весьма авторитетных органов без всякой расшифровки. Был, мол, крестьянский социализм—и Ленин его «признавал». Теперь читатель видит, что разумел под этим термином Ленин. В наши дни ожесточенной классовой борьбы в деревне это далеко не безразличная вещь. И если лезущий в колхозы кулак еще не ухватился за этот самый «крестьянский социализм», как за весьма подходящий для кулака лозунг (потому, мол, нашего брата, «крестьянина», и не пускают в колхозы, что у них социализм не крестьянский, а только для рабочих...), то только потому, что кулаку пока не до идеологии. Но народническим мотивам в нашей исторической литературе придется, очевидно, посвятить особую статью—вопрос этот шире

⁷ Т е о д о р о в и ч,—Историческое значение партии Народной Воли. «Каторга и ссылка» № 8—9, 1929.

юбилея Народной Воли и далеко не ограничивается выступлениями т. Теодоровича. А пока—маленькое сопоставление более неожиданное, но все на ту же тему, об отрицательном влиянии народничества на идеологию, если не большевистскую, то социал-демократическую, не после 1917, а около 1905 года.

Если вы возьмете столь любимые т. Теодоровичем программные статьи «Народной Воли» и самое народовольческую программу, вы найдете там в очень определенной формулировке очень любопытную историко-политическую теорию. «Нам кажется, что одним из важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса. А между тем именно у нас, в России, особенно не следовало бы его игнорировать. Наше государство—совсем не то, что государство европейское. Наше правительство не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а есть самостоятельная, для самой себя существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплоататорских классов. Наше государство владеет как частный собственник половиной русской территории; большая половина крестьян—арендаторы его земель; по духу нашего государства—все население существует главным образом для него. Государственные повинности поглощают весь труд населения, и—характерная черта—даже в карманы наших биржевиков и железнодорожников крестьянские гроши стекаются через государственное казначейство». «Над закованным в цепи народом мы замечаем облекающие его слои эксплоататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами».

Где это мы читали в гораздо более близкое к нам время? Где это мы читали, что «наше правительство не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе»,—то бишь, «что в своем отношении к русским привилегированным классам царизм пользовался несравненно большею независимостью, чем европейский абсолютизм, выросший из сословной монархии»? Что «царизму приходилось не столько тягаться с притязаниями привилегированных сословий, сколько бороться с дикостью, бедностью и разобщенностью страны»? Где это мы, сравнительно недавно, читали, что в России «государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу», то бишь, «превратилось в крупнейшего капиталистического предпринимателя, в банкира и монопольного владельца железных дорог и винных лавок»?

Да у Троцкого, конечно, дорогой читатель. Первые половины приведенных сейчас формулировок взяты из «Народной воли» (передовая, № 1, и «Программа Исполнительного Комитета»), а вторые из предисловия к «1905». Удивительно, как до сих пор на это не обращали вни-

мания—спасибо т. Теодоровичу за то, что напомнил. И ради этого стоит ему простить, что он «маленьким ошибкам давал—ленинизм с троцкизмом смешал».

Это совпадение—в теории—народовольчества и нашего «левого» уклона чрезвычайно выразительно. Оно показывает, что гони мелкобуржуазную классовую природу в дверь, она войдет в окно. Оно объясняет нам, почему т. Слепков, критикуя марксистско-ленинскую концепцию русской истории, мог пользоваться аргументами Троцкого, и почему Слепков и Троцкий (а равно их продолжатели ныне) в этом вопросе могли—и могут иметь одного и того же противника. Нет места приводить все цитаты—а в «Народной воле» есть одно место, буквально воспроизведенное в аргументации т. Слепкова против все того же еретика Покровского. Причем, не может быть никакого сомнения, т. Слепков не списывал у народовольцев, а «своим умом дошел». Но это-то и характерно!

До того ненавистен оный еретик всем правоверным наследникам «крестьянского» и «мещанского» социализма, что по еретику начинают стрелять, чуть только нос его покажется,—даже не тратя времени на то, чтобы разобраться, нос-то точно Покровского или чей другой? Ведь обознаться легко—и не так уж этот Покровский оригинален. Может, он просто чужие слова повторяет?

А как раз в вопросе о Народной Воле это и могло с ним случиться. Как исследователь он этим вопросом не занимался—он касался его настолько, насколько это нужно для составления общих курсов. Естественно, что он и не пытался быть оригинальным в этом вопросе, и свои оценки брал у авторов, которые казались ему наиболее авторитетными, в первую очередь у Ленина,—привлекая к делу и самих народовольцев с их современниками. Последнее, конечно, в том случае, если речь шла о констатации фактов. В маленькой книжке, называемой «Русской историей в самом сжатом очерке», нет ни одной строки, не подбитой фактами, нет ни одного утверждения, обоснования которому нельзя было бы найти в источниках.

На этой почве и произошел с т. Теодоровичем казус. Передать его нужно, для начала, его собственными словами. «Как это ни удивительно, но к оценкам Н. А Морозова и В. Я. Богучарского примыкает и М. Н. Покровский. В той же «Русской истории» на с. 204 мы можем прочесть такое место: «Народная Воля не восставала против буржуазии и эксплуатации вообще, а ставила себе определенную задачу—путем заговора добиться политического переворота (разрядка М. Н. Покровского), низвержения царской власти и созыва учредительного собрания». «Народная Воля», как мы выше цитировали, заявляет: «Наша партия никогда не ждала переворота исключительно от заговора; переворот может быть результатом самостоятельной революции», а М. Н. Покровский продолжает утверждать: «Путем заговора». Неужели партия Народной Воли еще не дождалась объективной, беспристрастной оценки? Но это мимоходом. Суть в том, что и под пером т. Покровского Народная Воля выглядит подстриженной под гребенку „освобожденства“».

Итак, освобожденцы «ставили себе задачей» «путем заговора добиться политического переворота! Это освобожденцы-то! Прокопович, прочитав эти строки т. Теодоровича, наверное, с гордостью посмотрелся бы в зеркало: Вот, мол, мы как! Знай наших! С народовольцами на одну доску ставят! Но пройдем мимо этого курьеза. Посмотрим, кто именно «подстриг под гребенку освобожденства» бедных народовольцев. Точно ли это злой еретик Покровский? «Для народовольца понятие политичес-

кой борьбы тождественно с понятием политического заговора. Надо сознаться, что П. Л. Лаврову удалось действительно с полной реальностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и у социал-демократов. Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора». «Старые русские революционеры (народовольцы) стремились к захвату власти революционной партией. Захватив власть, «партия ниспровергла бы личную силу» самодержавия,—думали они,—т. е. вместо чиновников назначила бы своих агентов, «захватила бы экономическую силу», т. е. все финансовые средства государства и произвела бы социальный переворот. Народовольцы (старые) действительно стремились «к ниспровержению личной и к захвату экономической силы» самодержавия, если уже употреблять, по примеру Р[абочей] М[ысли], эти неуклюжие выражения. Русские социал-демократы решительно восстали против этой революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии». «В начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народовольцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы». «В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительного массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения». «У нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы быть служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а землевольцами, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев. Таким образом видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически, и логически, ибо в с я-ко е революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации в с е х недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества».

Кому принадлежат все эти цитаты? Да, конечно, Ленину, дорогой читатель—вы, наверное, уже давно догадались. Изображение народовольцев как кучки интеллигентов, не умевших связаться с массами и добивавшихся путем заговора политического переворота, принадлежит вовсе не Покровскому. И самым беззастенчивым, доходящим до прямого издевательства над читателем, извращением истины является утверждение т. Теодоровича, будто «концепция Ленина абсолютно противоположна

концепции Покровского». Концепция Покровского «абсолютно повторяет» концепцию Ленина—попросту взята у последнего⁸. Прибавлю: я решительно отказываюсь верить, что т. Теодоровичу приведенные мною сейчас цитаты неизвестны. Их знает наизусть всякий порядочный комвузовец. Но они сознательно скрыты от читателя «Каторги и ссылки», чтобы можно было под флагом ленинизма протащить антиленинскую концепцию истории Народной Воли.

Чувствуя сам, что дело неладно, т. Теодорович в примечании к этому месту своей статьи пытается извлечь из Ленина что-то, при очень невнимательном чтении могущее показаться оправданием точки зрения самого Теодоровича. Но увы! Как ни тщательно чистил т. Теодорович ленинский текст (до того тщательно, что читатель может подумать, будто тут речь идет именно о народовольцах—а на самом деле тут говорится о народничестве вообще, начиная с Чернышевского), все же слова «идеалы» он вычистить не мог, ибо фраза осталась бы тогда без подлежащего. Речь идет именно об идеалах, т. е. о субъективной, а не об объективной стороне дела, не о том, чем народники (не одни народовольцы в данном случае) были, а чем они хотели быть. Что они хотели быть социалистами, искренно в свой социализм верили, в этом ни у одного здравомыслящего человека не может быть никакого сомнения. Но что же из этого следует? У меня нет никаких оснований думать, что т. Теодорович не хочет быть ленинцем—он наверное очень этого хочет. Но удается ли ему это, вот в чем вопрос? Так и народовольцы: очень хотели быть социалистами, но в силу своей мелкобуржуазной природы не могли.

Но если в свой социализм народовольцы крепко верили, а оставшиеся в живых верят и до сих пор, и ни один из них, конечно, не согласится с приведенными выше ленинскими оценками народничества, то, что они были заговорщики—а это утверждение «Покровского» особенно сердит т. Теодоровича (он к этому возвращается неоднократно, см. с. 15 и др. места)—этого не отрицают они сами. В заключение разбора «недоразумения», в которое впал т. Теодорович, я и приведу выдержку из «Запечатленного труда» В. Н. Фигнер.

«Считая воплощение социалистических идеалов в жизнь делом более или менее отдаленного будущего, новая партия ставила ближайшей целью в области экономической передачу главнейшего орудия производства—земли—в руки крестьянской общины; в области же политической—замену самодержавия одного самодержавием всего народа, т. е. водворение такого государственного строя, в котором свободно выраженная народная воля была бы высшим и единственным регулятором всей общественной жизни. Самым пригодным средством для достижения этих целей представлялось устранение современной организации государственной власти, силою которой держится весь настоящий порядок вещей, столь противоположный желательному; это устранение должно было совершиться путем государственного переворота, подготовленного заговором»⁹.

⁸ Первая цитата взята из статьи «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.), вторая из статьи «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899 г.), третья из «Искры» (1900 г.), четвертая из речи на Стокгольмском съезде (1906 г.), пятая из «Что делать?» (1902 г.). См. сочинения, т. I, с. 354; т. XX, ч. 1-я, с. 54—55; т. IX, с. 417; т. V, с. 228—229.

⁹ Вера Фигнер, Полное собр. сочинений, изд. «Каторги и ссылки», т. I, с. 172. Разрядка моя—М. П.

Я чувствую, что начинаю впадать в тот грех, возможность которого я предвидел с самого начала этой статьи. Критикуя неудачного панегириста Народной Воли, я рисую превратиться в запоздалого ее критика. Читатели могут подумать, что и чествовать-то народовольцев не за что. Это глубочайшее заблуждение. Очень есть за что. И позвольте это мотивировать словами, во-первых, В. И. Ленина, а во-вторых, той же В. Н. Фигнер.

В «Протесте российских социал-демократов», написанном в 1899 году, говорится: «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшую из ближайших задач партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой Народной Воли. Традиции всего предшествовавшего революционного движения требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой Народной Воли сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой».

А вторая подводит все в том же «Запечатленном труде» такой общий итог деятельности своей партии. «Народная Воля сделала свое дело. Она потрясла Россию, неподвижную и пассивную; создала направление, основа которого с тех пор уже не умирала. Ее опыт не пропал даром; сознание необходимости политической свободы и активной борьбы за нее осталось в умах последующих поколений и не переставало входить во все последующие революционные программы. В стремлении к свободному государственному строю она была передовым отрядом русской интеллигенции из среды привилегированного и рабочего класса. Этот отряд забежал далеко, по меньшей мере на четверть века вперед, и остался одиноким. Народная Воля имела упование, что этого не случится, что событие 1 марта, низвергая императора, освободит живые силы народных масс, недовольных своим экономическим положением, и они придут в движение, и в то же время общество воспользуется благоприятным моментом и выявит свои политические требования. Но народ молчал после 1 марта, и общество безмолвствовало после него. Так у Народной Воли не оказалось ни опоры в обществе, ни фундамента в народе, и напрасно были попытки возобновить организацию для безотлагательного продолжения активной борьбы против существующего строя»¹⁰.

Бот это совершенно верно. И того, что действительно сделала Народная Воля, вполне достаточно, чтобы праздновать ее юбилей и ставить памятники ее героям.

¹⁰ Первая цитата отчасти воспроизводит одно место из «Манифеста Р.С-Д.Р.П.» 1898 года,—но так как Ленин повторяет это место без какой-либо оговорки, мы имеем право считать, что он вполне солидаризируется с данным утверждением «Манифеста». См. сочинения, т. II, изд 2-е, с. 485. Вторая цитата взята из цитированного уже произведения В. Н. Фигнер, с. 329—330.

ДИСКУССИЯ О НАРОДНОЙ ВОЛЕ В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Открытые заседания секции истории ВКП(б) и ленинизма от
16-го и 25-го января и 4-го февраля 1930 года *

М. Савельев (председатель). Общество историков-марксистов, в лице секции истории партии и ленинизма, устроило настоящее собрание для обсуждения вопроса о Народной Воле. Этот вопрос интересует нас не только в связи с тем, что мы сейчас стоим перед юбилеем и необходимо дать общую оценку Народной Воли, но также и потому, что обсуждение этого вопроса, как это уже показала открытая в печати дискуссия, теснейшим образом связано с проблемами современности. Общество историков-марксистов считает, что вопрос этот теснейшим образом связан с выяснением целого ряда наших позиций—позиций марксизма и ленинизма—в оценках не только Народной Воли, но и народничества вообще. Этот вопрос является тем более актуальным, что имеются попытки несколько разбавить нашу точку зрения неонародническими взглядами. И мы полагаем, что в этом вопросе наше воинствующее Общество историков-марксистов должно занять вполне определенную позицию.

ДОКЛАД В. НЕВСКОГО.

Я не ставлю своей задачей сделать доклад о Народной Воле. Моя цель—открыть дискуссию вступительным словом.

Вопрос об историческом значении Народной Воли сразу же приобрел, по весьма понятным причинам, такое важное значение с тех пор, как появилась в печати в высокой степени интересная, ставящая некоторые вопросы по-новому, работа т. И. А. Теодоровича. Вопросы, поставленные в этой работе, заставляют нас обратиться к тем оценкам, которые давно уже давались самими выдающимися, самыми глубокими мыслителями русской социал-демократии, русского коммунизма—Плехановым и Лениным. Вот с точки зрения этих взглядов, которые я считаю для себя обязательными и которые я вполне разделяю, я и попытаюсь высказать несколько соображений по тем проблемам, которые поставлены в статье т. Теодоровича и в полемике, связанной с ней.

Существует мнение, что есть два взгляда на природу, существо и историческое значение Народной Воли. Эти два взгляда будто бы принадлежат Плеханову и Ленину. Тов. Малаховский в своей в высшей степени интересной статье, напечатанной в № 84 «Пролетарской революции», говорит о том, что Плеханов, по его мнению, неправильно смотрит на народовольцев именно потому, что он не смог определить социальную подоплеку, социальную основу народовольчества. Тов. Малаховский приводит цитаты, выдвигает всякого рода доводы, обращает особое внимание на то, что Плеханов подчеркивает славянофильские черты народничества, утверждает, что только в «Наших разногласиях» Плеханов между прочим ставит вопрос о социальной основе народничества, что нигде этот вопрос так ясно, так резко и так отчетливо, как он поставлен в работах

* Доклад В. Невского и содоклады И. Теодоровича и И. Татарова печатаются по стенограмме, прения и заключительные слова—в сокращенном изложении.

Владимира Ильича, у Плеханова не поставлен, что только в «Наших разногласиях» Плеханов ставит этот вопрос, но нигде больше, ни в одной из работ Плеханова вы не найдете настоящей, исчерпывающей, марксистской постановки вопроса.

Я не буду заниматься изысканием цитат, точно так же как и по вопросам, поднятым т. Теодоровичем. Тов. Теодорович приводит, как он утверждает, огромное количество цитат, я их много приводить не буду. Но две-три цитаты для иллюстрации своей мысли я все-таки приведу.

Беру небольшую работу Плеханова 1889 г. Вот что говорит Плеханов:

«Мы были приверженцами того частью крестьянского, частью мелкобуржуазного социализма, который даже в случае своего торжества (в действительности немыслимого благодаря утопическому характеру этого социализма) ни в каком случае не привел бы нас туда, куда мы так усердно скакали в своем воображении»¹.

Это—одна характеристика, в которой, как вы видите, социальная основа, подоплека, как выражается т. Малаховский, народничества дана. А вот другая—где эта социальная подоплека выявлена с гораздо большей ясностью. Это из «Внутреннего обозрения» «Социал-демократа» за 1890 г. О чем здесь говорит Плеханов? Здесь Плеханов утверждает, что существенной разницы между идеологией народнической и идеологией русского либерала нет. Разница между ними заключается только в том, что народник, буржуазный демократ, ставил вопросы, которые ставились либералами, решительнее, ставил их по-революционному. Но существо, социальная сущность этих взглядов были одни и те же. И это потому, говорит Плеханов, что «на первый взгляд кажется, что народнические идеалы, как небо от земли, далеки от буржуазного мировоззрения. Но так кажется только на первый взгляд. В действительности наше народничество было лишь особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма, т. е. того учения, которое под видом защиты интересов народа защищает исключительно только интересы мелкой городской и сельской буржуазии»².

Вы видите, что эта характеристика точь-в-точь совпадает с теми характеристиками, которые давались Владимиром Ильичем, начиная с 1893 г., когда писалась брошюра «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», и далее, когда он писал свою работу, направленную против Струве. Какую характеристику давал Владимир Ильич? Я должен здесь обратиться к подлинным цитатам. Я как раз отметил все те работы, где В. И. говорит об основах народничества.

Владимир Ильич говорит, что социальная сущность народничества сводится к тому, что народник защищает мелкого производителя, объективно он отражает этого мелкого производителя, его идеалы, его стремления. Возникает вопрос, что представляет собою народничество? И вот, по мере того как изменялась эта самая объективная основа народничества, по мере того как менялись социально экономические условия, они заставляли меняться и основную толщу народничества—тот слой, те массы, те классовые группы, интересы которых отражало народничество. По мере того, как расслоялась основа, менялась и идеология, она расслаивалась на несколько течений, на несколько струй. Как менялся этот мелкий производитель, какие изменения происходили у этого мел-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, с. 268, разрядка моя—В. Н.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. III, с. 251.

кого производителя? Посмотрим, что на этот счет отвечает Владимир Ильич. Он говорит так:

«Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой—выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе чем вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строев. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества,—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»³.

Вот то, как изменялись эти самые социально-экономические основы, служит дополнением, которого не нашел у Плеханова т. Малаховский и которое имеется у Ленина, а именно, что это изменение шло в двух направлениях: в сторону верхушки крестьян, как говорят, кулаков, дальше—в сторону крупного землевладельца, крупного буржуа, с другой стороны—в сторону бедняка, крестьянина, сельскохозяйственного пролетария. В соответствии с этим изменялись и те идеологические построения, которые нарастили на этой огромной толще русского народа, на этом подавляющем большинстве русского народа. С одной стороны, они шли влево от крестьянского социализма к рабочему социализму, к марксизму, к социал-демократии. С другой стороны, через бесконечное число всякого рода групп и партийных программ это самое народничество шло к либерализму и т. д. Вот как намечается эта эволюция и как она мыслятся Владимиром Ильичом.

В своих других работах, в особенности в работе «От какого наследства мы отказываемся», Владимир Ильич определяет это самое наследство. Он подчеркивает, что наследством мы считаем ставку народников на восстание масс, на восстание обездоленного, закабаленного крестьянства, что наследством мы считаем те революционные, якобинские приемы борьбы, которые характеризуют народничество в лучшие моменты его существования, в семидесятые годы или в начале восьмидесятых годов, в лице Народной Воли. Конечно, Ленин подчеркивает, что от этого наследства мы не отказываемся. Вместе с тем Владимир Ильич определяет или констатирует три характерных черты этого самого народничества: во-первых, народничество характеризуется, по мнению Ленина, особой концепцией русского исторического процесса; во-вторых,—народничество характеризуется защитой именно интересов мелкого производителя и, в третьих,—непониманием основ научного социализма, марксизма, т. е. зависимости идеологической надстройки от экономического базиса, от экономических отношений, от развития производительных сил.

Вот три характерные черты, которые отмечает Ленин в народничестве.

Итак, стало быть, первое более или менее внимательное рассмотрение тех высказываний, которые имеются у Плеханова по вопросу о

³ В. Ленин (В. Ульянов), Собр. соч., изд. 1-е, т. I, с. 179, «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов».

народничестве, и у Ленина, нашего вождя, констатирует полнейшее совпадение в определении основных экономических задач возникновения народничества. И Плеханов, и Ленин,—и Плеханов конечно раньше Ленина,—и Плеханов и Ленин ясно и определенно указывают на то, что объективной основой народничества является существование того огромного количества мелких производителей, интересы которых, чаяния, вожделения, стремления выражает и отстаивает народничество.

Дальше и Плеханов и Ленин подчеркивают еще другое обстоятельство—сложность, очень большую сложность теоретических построений народничества. Обыкновенно приводят доказательство того, что Ленин не согласен и в этом отношении с Плехановым, и приводят то место из его работы против Струве, где Ленин говорит, что нельзя подходить к определению народничества и народнической теории с точки зрения двух категорий—западничества и славянофильства. Этим не объяснишь, по мнению Ленина, теории народничества, этим не объяснишь потому, что прежде всего народничество есть идеологическое отражение интересов и стремлений мелких производителей, подавляющего большинства русского народа. Но, по мнению Ленина, нельзя отрицать, что у народников имеются признаки квасного патриотизма. Плеханов ставит вопрос иначе. Он очень часто усиленно подчеркивает в народничестве элементы славянофильства. Я не стану приводить цитат из общезвестных статей и работ, в которых Плеханов распространяется о сущности народнической теории. Это—ранние статьи: «Наши разногласия», статьи конца 80-х и начала 90-х гг., статьи о беллетристах-народниках, предисловие к «Истории революционного движения» Туна и т. д.

И вот, если посмотреть на эти определения, то мы увидим, что и здесь нет расхождения между Плехановым и Лениным. Несомненно, Плеханов особенно усиленно подчеркивает славянофильские элементы в народничестве. Это так. Но Плеханов говорит, что теория народничества в высшей степени сложна, в ней имеются, во-первых, элементы утопического социализма,—а разве Владимир Ильич это как-нибудь отрицал? Дальше здесь имеются славянофильские черты. Но, как я уже сказал, Владимир Ильич точно так же этого не отрицал, хотя придавал гораздо меньшее, бесконечно меньшее значение этому, и весьма понятно почему: потому что с более поздними народниками Владимир Ильич имел больше дела, и здесь элементов славянофильства гораздо меньше, чем где бы то ни было.

Дальше Плеханов говорит, что здесь несомненно имеются элементы настоящей, доморощенной, самобытной русской философии, представление об особом укладе русского хозяйства, взгляды на развитие русской общины. Но если вы вспомните, товарищи, статью Владимира Ильича, написанную в 1913 г. о Герцене, то вы вспомните то определение Герцена, которое дает Ленин. Он говорит:

«Герцен—основоположник, родоначальник народничества. Герцен—родоначальник своеобразного русского исторического процесса, в который входит, как основной элемент, учение о самобытности русского общинного порядка».

Согласитесь сами, этими словами мировоззрение Герцена характеризуется, конечно, верно, потому что стоит открыть дневник Герцена, как там, в собственных же словах Герцена, вы найдете подтверждение тому, что он испытывал особенно влияние славянофильства. Если вы вспомните это обстоятельство, то согласитесь, что Владимир Ильич, который характеризует Герцена как основоположника народничества, как

автора своеобразной теории, своеобразного взгляда на развитие русской истории, взгляда, в основе которого положено учение о русской общине, то вы согласитесь, что Ленин точно так же, как и Плеханов, приписывает народничеству славянофильские черты.

Таким образом по основным двум вопросам: 1) по вопросу о том, что же представляет собою социально-экономическая основа, из которой выросло народничество,—по этому основному вопросу, ответить на который обязан каждый марксист, подходящий к изучению какого-нибудь общественного явления или какой-нибудь идеологии,—или по другому вопросу, 2) по вопросу о том, что же представляет собою сама эта идеология, из каких элементов состоит эта идеология,—никаких расхождений между двумя основоположниками русского марксизма нет. Если и существует это различие, то по совершенно другому вопросу.

По вопросу о том, какую роль играют некоторые слои крестьянства, были ли эти некоторые слои крестьянства революционны или нет,—вот здесь существует принципиальное расхождение между теми взглядами, которые дал нам Ленин, и между тем, что оставил Плеханов. Это объясняется своими особыми, в значительной степени сложными и интересными причинами. Не в том дело, почему происходит такое расхождение,—этому можно посвятить специальный доклад, это очень интересная тема и здесь прав т. Малаховский в своей статье, напечатанной в № 84 «Пролетарской революции» за 1929 г.,—а в том, что именно этим обстоятельством, именно тем, что Плеханов расходился с Лениным по вопросу о том, что такое представляет собою крестьянство, именно этим объясняется возникновение двух направлений в русской социал-демократии после II съезда партии. Именно этим обстоятельством объясняется эта точка зрения на крестьянство, которая существовала у Мартова, Аксельрод и др. Это очень интересный вопрос. Он объясняется именно теми взглядами, которые выдвигались Плехановым вслед за лидерами и теоретиками II Интернационала, теоретиками постмарксовой эпохи, которые выставили особый взгляд, что крестьянство представляет собою сплошную реакционную массу. Возьмите «Готскую программу», возьмите всякого рода статьи, которые были обычным явлением в 80-х—90-х гг. в германской социал-демократической прессе, возьмите ту полемику, которую по этому вопросу вел Маркс с некоторыми представителями II Интернационала, и вы увидите, что в этом отношении Плеханов недалеко ушел от них—теоретиков II Интернационала—в этих своих воззрениях. Между прочим по вопросу о роли крестьянства и по вопросу об отношении к крестьянству пролетариата есть еще и другое расхождение (Троцкий). Но это уже вопрос другой. Нам не стоит сейчас уделять ему внимания. Повторяю, имеется разногласие между Плехановым и Лениным в определении вопроса—что такое представляет собой крестьянство и какова его роль в революции. Но нет разногласий о двух направлениях в народничестве. Но говорят, что существует другая точка зрения. Тов. Теодорович утверждает, что М. Н. Покровский принадлежит к тому роду марксистов, которые видят в Народной Воле один либерализм, именно «либерализм с бомбой». Так характеризует т. Теодорович М. Н. Покровского и, характеризуя его, он берет выдержки из работ М. Н., из его «Краткого курса в самом сжатом очерке», из его «Истории революционного движения в России в XIX и начале XX вв.», из его четырехтомника. Я не буду останавливаться на всех этих цитатах. Тов. Теодорович приводит самые главные и основные цитаты М. Н. Покровского в доказательство того, что М. Н. Покровский смотрит на народников как на либералов.

Доказательство это следующее. М. Н. Покровский говорит о том, что народники «не сумели, не смогли обращаться прямо к народу, не сумели поднять этот народ». Цитата прежде всего приведена не полностью. Упущены очень интересные слова: «Народники не могли, не умели обращаться прямо к народу, не могли поднять его против всего старого строя». Эти слова пропущены. «Народники,—говорит Покровский,—не могли обращаться прямо к народу (я потом докажу, что это подлинные цитаты, я не могу сейчас задерживать ваше внимание—В.Н.), не сумели поднять его против всего старого строя». У Покровского ясно сказано «против всего старого строя». Мы понимаем, что это совершенно правильно по отношению к некоторым определенным течениям народовольчества и народничества, если только правильно мнение Ленина и Плеханова о двух направлениях эволюции народничества.

Я должен сказать, товарищи, прежде всего: для того, чтобы наши здесь рассуждения могли принести наибольшую пользу, наибольшие результаты, нам надо будет условиться о том, чтобы приводить цитаты точно и ясно. Это—первое требование.

Посмотрим теперь, какие выводы каждый марксист, не только историк (историк в особенности) должен сделать из тех основных положений, которые я имел честь представить перед вами, товарищи, из тех положений, из которых исходил вслед за Плехановым и Лениным М. Н. Покровский при обсуждении вопроса о народничестве и Народной Воле. Плеханов и В. И. подчеркивают то, что характеризует эти два направления: эволюцию направо—к либерализму и налево—к рабочему социализму от крестьянского социализма.

В. И. подчеркивает, что никого не может обидеть употребляемое им выражение «мещанский социализм» как эволюция направо к либерализму и налево—от крестьянского социализма к рабочему социализму. Он разумеет под этими терминами либо исторические, либо политico-экономические категории.

Какие же выводы должен сделать всякий марксист, в том числе особенно историк, если он исходит из тех положений, из которых исходили Ленин и Плеханов в своих взглядах на народничество? Он обязан рассматривать именно эту самую эволюцию. Он обязан рассматривать, верно ли, и действительно ли была эта эволюция в процессе развития народничества и Народной Воли. Следовательно, он должен, во-первых, выяснить, была ли эта эволюция, а во-вторых, он должен показать, что действительно с точки зрения своей особой научной теории, квази-научной теории (как угодно можете называть ее), своего особого представления о русском историческом процессе, народничество рассматривало все те проблемы, которые ставились перед ним самим в моменты его исторической работы и политической борьбы. Это—второй момент.

Вот и посмотрим, насколько у меня хватит времени и данных для того, чтобы это показать, правы ли Ленин и Плеханов, утверждая, что развитие народничества пошло по этим двум направлениям. Правы ли Ленин и Плеханов, утверждавшие, что с точки зрения этой особой теории народничество рассматривало весь исторический процесс и строило свою борьбу.

Для того, чтобы не упрекали меня в том, что я люблю оперировать с упадочным народничеством и народовольчеством, я приведу вам доказательства из документов, исходивших от народовольчества того периода, когда оно представляло собою самую величественную историческую картину, когда действительно народовольцы закладывали тот фундамент,

на основании которого они построили себе вечный памятник в истории человечества, а затем я приведу доказательства того времени, когда народовольчество склонялось к упадку. Проверить все то, что я говорю, можно в любой момент. Книги у меня здесь.

О том, что народники и народовольцы с точки зрения особой исторической теории подходили к построению своей программы, об этом великолепно говорит в своих показаниях Вера Николаевна Фигнер, человек, не верить которому нельзя, в искренности которого не сомневается конечно никто. Я не знаю человека, который представлял бы собой такой образец величайшего героизма, величайший образец революционного долга. В. Н. Фигнер в своих показаниях говорит о том, что народники строили свои программы, исходя из особой теории русского исторического процесса. Но—говорит она—когда Народная Воля стала перед вопросом признания необходимости политической борьбы, тогда были внесены некоторые изменения в эту своеобразную теорию русского исторического процесса, в эту теорию, которая говорила об особом развитии русской жизни, которая утверждала, что основой строения русской жизни является общинный уклад, была внесена еще одна самая буржуазная историческая концепция, представленная нашими буржуазными историками. Я думаю, что вам эта концепция известна. Это концепция о всемогущем действии государства, о том, что именно государство создает все классы, все сословия русского общества. Эта та теория, с которой всякий очень легко может познакомиться и с которой всякий знаком хотя бы по прекрасному курсу Ключевского, по любому курсу русской истории, начиная с 60-х гг. Государство—вот кто есть тот демиург истории, которого нашли народники. Я не буду приводить вам доказательств из литературы Народной Воли. Тов. Теодорович это знает, и я думаю, не будет этого оспаривать. Возьмите любую статью. Принадлежит ли она Тихомирову или кому-нибудь другому, напр., напечатанная в № 1 «Народной воли» (я считаю, что она написана Тихомировым. Некоторые утверждают, что она написана Квятковским. Я не знаю. Я не знаю—кто здесь прав. Может быть, это статья и не Тихомирова. (Теодорович: «Так утверждает Богучарский»).

Может быть вы правы. Во всяком случае во многих статьях и официальных документах Народной Воли мы можем найти теорию русского исторического процесса, мы находим ее в писаниях Народной Воли, мы находим ее в официальных документах, исходивших от Народной Воли, мы находим ее в тех работах, которые признавались за ортодоксальные работы русского народничества и русского народовольчества. Я приведу две из них. Один—пример из тех времен, когда Народная Воля еще не только не склонялась к упадку, но, наоборот, считали, что ее деятельность расширится, углубится и приведет к желанному концу—к победе над русским самодержавием, а другая работа из более поздних времен. Одна работа А. Н. Баха, это его известная книга «Царь-голод», которая пользовалась большой популярностью среди рабочих, а затем другая, уже из тех времен, когда народовольчество склонялось к упадку, это работа Богораза, который считает себя теперь чуть ли ни марксистом, малоизвестная его нелегально изданная книга, а именно «Борьба общественных сил в России». В книжке А. Н. Баха эта теория изложена не столь ясно, потому что предметом его работы являлись экономические вопросы, которыми он занимался, но и там все же имеется особая теория исторического процесса. Но особенно ярко и отчетливо она выражена в книжке Богораза. Не буду опять-таки подробно заниматься изложением

этой теории, ибо, повторяю, в курсе Ключевского эта теория выражена гораздо ярче, красочнее и с большим количеством научных аргументов.

Но вот к какому результату приходит Богораз (и точно к такому же заключению приходит Алексей Николаевич Бах):

«Государство, вот кто творит общество. Государство, которое не опирается ни на один класс, государство, которое существует само по себе, создало те классы, которое оно же угнетает и эксплуатирует».

Есть таким образом две силы—государство и народ. Затем появляется третья сила, созданная этим государством—это интеллигенция. И вот Богораз определяет эту силу так: «Интеллигенция—это соль земли, это самый могучий и деятельный двигатель прогресса, и бойцы из ее рядов отличаются от других людей пламенем божественного огня, горящим в их груди».

«Три реальные борющиеся силы,—говорит дальше Богораз,—стоят на арене—правительство, революционная интеллигенция и народная масса. Остальные общественные слои—все правящие классы не имеют никакого значения».

Но оказывается, что одна из этих сил—народная масса, не сила, потому что все спутано в ее представлении. Она принимает врагов за друзей и друзей за врагов: «Все спутано в ее представлении—она принимает друзей за врагов, врагов за друзей. Деспотизм по ее мнению есть ее защитник и благодетель»⁴. Где же выход? Выход в огромном влиянии, в огромной силе, которой обладает третий элемент—интеллигенция. Интеллигенция—говорит Богораз—есть соль русской земли. Если вы обратите внимание на «Царь-голод» Баха и если обратитесь к любому документу, исходящему от Народной Воли, то вы найдете такое же учение и в раннюю эпоху существования Народной Воли. «Царь-Голод» писался в 1882/83 г. Бах рассказывал в своих воспоминаниях о том, как в Ростове на Дону он получил доступ к пропаганде рабочих и там по требованию этих рабочих написал этот самый экономический очерк «Царь-голод». И вот в его экономических очерках вы найдете буквально те же самые термины, может быть, еще более резко выраженные, чем в том документе, который появился уже во времена упадка Народной Воли. У Баха говорится о том, что интеллигенция есть трудовая и внеклассовая, что именно эта внеклассовая интеллигенция жила в таких условиях, в каких она могла развивать свое критическое мышление и, внося это критическое мышление в темное сознание масс, вела массу за собой.

Бах, между прочим, принимает очень много из учения Маркса, но не согласен применять учение Маркса к аграрным отношениям.

Спрашивается, почему же неправ Михаил Николаевич Покровский, приписывающий народникам мысль, что критически мыслящая личность движет историю. От этого мнения они не отказались и в Народной Воле. И вы найдете подтверждение этому на бесконечном множестве разных документов Народной Воли. Вы найдете подтверждение в «Вестнике народной воли». Возьмем хотя бы Тихомирова—автора программы Исполнительного комитета, теоретика партии. Вы скажете, что его брать нельзя, потому что он заранее был злокачественным человеком, что в нем заранее были заложены те дефекты, которые привели его к ренегатству. Хорошо. Возьмите статью Кибальчича об этом самом экономическом и политическом факторе в истории: и он также считает, что роль

⁴ «Борьба общественных сил в России», типография «Народной воли», 1881 г., с. 2, 75 и 77.

интеллигенции огромна. М. Н. Покровский нисколько не ошибся, когда говорит, что народовольцы держались старых взглядов о том, что знания орудуют миром, что критически мыслящая личность имеет в истории огромное значение. Иначе они бы не строили такой своей программы, как напр. программа рабочих-членов партии Народной Воли. Эта рабочая организация, по мысли народовольцев, есть не самостоятельная классовая партия пролетариата, как ставили вопрос еще Обнорский и Халтурин. Нет. Рабочая группа только часть партии Народной Воли. В этом отношении та постановка вопроса, которая здесь дается, несомненно есть шаг назад по сравнению с тем, что представляла программа «Северного союза русских рабочих», программа, которую Плеханов совершенно правильно определял как программу близкую к социал-демократии.

Говорят, Покровский ошибается, выставляя народовольцев либералами. Верно, М. Н. Покровский занимается больше тем течением, которое имеет тенденцию ^{еще} больше эволюционировать к либерализму. Разве он не прав?

Займемся вопросом о том, действительно ли происходила эта эволюция направо—от крестьянского социализма к либералам. Опять будем обращаться к разного рода документам, к документам, которые исходили из народнических кругов в те времена, когда Народная Воля представляла всю мощь, всю силу, когда о распаде нечего было еще и говорить, но обратимся также и к тем документам, которые характеризуют, так сказать, эпоху средневековья и даже эпоху упадка Народной Воли. Возьмем 1879 г., возьмем знаменитое письмо Гроньера (Михайловского). письмо, в котором Михайловский одобрял народовольцев в их признании политической борьбы.

Обратимся к этим письмам и мы увидим, что Михайловский ясно и недвусмысленно говорит о том, что с его точки зрения между либеральной программой и народовольческой нет никакой разницы.

В первом письме Михайловский—это характерно для Михайловского и поздней эпохи—говорит:

«Люди революции рассчитывают на народное восстание. Это дело веры. Я не имею ее» ⁵.

И дальше он говорит, что это будет решено тогда, когда народовольцы будут заниматься политической борьбой.

Во втором письме идет обсуждение вопроса о союзе. Здесь Михайловский вполне правильно утверждает, что от союза, даже с людьми, с которыми совершенно не согласен, все же нельзя отказаться. Он это аргументирует, и в этой аргументации все дело.

«Союз с либералами тоже не страшен, если вы вступите в него честно, и без лицемерия объявит им свой святой девиз «Земля и воля». Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической жизни безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных, временных. И признаюсь вам: я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется» ⁶.

Само собой разумеется, что Михайловский имел в виду не отдельных людей, не физический облик и не темперамент, которыми обладает человек, а он имел в виду программные течения и представления, политические программы. То обстоятельство—разделяли или не разделяли

⁵ «Литература социально-революционной партии Народной Воли», типография партии с. р., 1905 г., с. 91, «Народная воля» № 23.

⁶ Там же, «Народная воля» № 3, с. 174.

народовольцы программу с либералами, очень ярко подчеркнуто Тихомировым. Но это уже из времен упадка Народной Воли. Правда, народовольцы сейчас же обрушились на него, когда он дал свое предисловие в своей знаменитой французской книге о России. В этом предисловии он подчеркнул, что нет разницы между программой Народной Воли и программой либералов. Народовольцы за это на него обрушились. Но затем, в 1889 г., когда теоретик народничества пишет о теории особого пути русского исторического процесса, никто не счел нужным сделать к его книге какие-либо примечания.

Возьмите другой документ. Возьмем народовольца Присецкого. Плохой народоволец, согласен. Он потом, в 1905 г., перекочевал к кадетам. Он не принимал такого деятельного участия в революционном движении, которое принимали лидеры, выдающиеся пятели Народной Воли. Это верно. Но этот плохой народоволец Присецкий в «Вольном слове» написал кое-что интересное. Против него писал П. Б. Аксельрод, будущий лидер меньшевиков. Присецкий обращался к народовольцам с призывом отказаться от основной формулы народничества—«все для народа, все через народ». Присецкий предлагал сделать этот лозунг более ясным и понятным для того, чтобы народовольцы смогли подкрепить свои ряды другими силами, для того чтобы собрать вокруг Народной Воли те силы, на которые она могла бы опереться. Он спрашивает, что представляет собой Народная Воля? Группу самоотверженных революционеров, подпольщиков, заговорщиков. Они не пользуются никаким престижем. Конечно, им помогают деньгами, конечно, им сочувствует небольшая группа населения. Но широкого сочувствия, широкой помощи у народовольцев нет. Почему? Потому что нужно сделать более понятной эту формулу: «все для народа, все через народ». Это значит—все для народа в том смысле, чтобы осуществить все стремления, все пожелания народа. Кто лучше всего выражает все стремления и пожелания народа? Лучшая часть этого народа, интеллигенция, именно революционная интеллигенция. Вот почему нужно формулу «все для народа, все через народ» переделать так—«все для интеллигенции, все через интеллигенцию». А что значит «все для интеллигенции, все через интеллигенцию? Это значит—все для народа при помощи лучшей части этого народа—интеллигенции. Что это значит, т. Теодорович, как не «критически мыслящие личности», которые суть деятели истории? Мы можем взять другие документы, которые подтвердят то, что я только что сказал.

Дальше Присецкий рассуждает так: если вы переделаете так эту основную формулу «все для народа, все через народ»—все для народа через лучшую часть народа, тогда вы сможете объединиться с целым рядом лиц. Что такое сейчас Народная Воля как не организация революционеров-заговорщиков, революционеров, которые организуют революционную партию для натиска на самодержавие, для того, чтобы смести все самодержавие, весь старый строй. Если вы таким образом переделаете формулу, вы сможете опереться на те круги, которые, конечно, непосредственно заинтересованы в том, чтобы смести весь старый строй до самого основания—города, земства и т. д.⁷.

Ну, хорошо. Присецкий эволюционировал к кадетам в 1905 г. Он плохой народоволец. Его пример никуда не годится. А я думаю, что его

⁷ См. «Историко-революционный сборник», от. II, ст. В. Невского о Группе «Освобождение труда».

слова нам все-таки годятся, потому что дальнейшая эволюция конечно не есть доказательство, но все же она является блестящей иллюстрацией тех положений, которые я имел удовольствие развивать только что перед вами.

Возьмем других. Возьмем людей, в которых сомневаться нельзя, возьмем людей, которые не сдавали своего знамени никогда, которые действительно были на подпольной работе, возьмем людей, героизм которых является примером для нас. Возьмем настоящих революционеров, которые ни в ком не могут вызвать ни малейшего сомнения. Возьмем их писания, их показания, их речи. У нас есть показания Квятковского и Ширяева на процессе 16-ти. В этих лицах сомневаться нельзя. Возьмем их рассуждения относительно учредительного собрания. Мы можем пользоваться этими заявлениями представителей Народной Воли. Возьмем заявления Корбы, Златопольского, Богдановича, возьмем заявления лиц, которые высказывали свои взгляды не из-за страха. Их ждала величайшая кара, они пошли на эту кару, они вынесли бесконечные страдания, они испили чашу страданий до дна, это люди, которые являются образцами для нас. Возьмем их политические заявления. Посмотрим, что они представляют. Посмотрим—существовала ли действительно эта эволюция направо, о которой говорит М. Н. Покровский, не отождествляющий либералов с народовольцами. Он говорит о том, что у народовольцев была определенная эволюция направо—к либералам.

Но возьмем эти заявления. Возьмем заявление Богдановича. Никто не станет утверждать, что он представляет собой величину, равную по своим взглядам Тихомирову. Вот что говорит Богданович. Разрешите мне привести эту цитату. Он говорит об основных чертах программы и отсюда делает вывод, что партия Народной Воли не только не враждебна государству, она не враждебна и существующей форме правления, т. е. монархии. Если в революционных изданиях и встречаются обращения, направленные против государя, то это объясняется теми условиями борьбы, в которые принуждена была стать партия, и носит чисто агитационный характер. «Но никогда за все время своего существования она не выражала стремления пропагандировать какой-либо иной способ правления. Да этого и не могло быть. Живя долго и близко с народом, мы не могли не видеть, что монархический принцип силен и живет в народе» («Красный архив» № 20, 1927 г., с. 216).

Согласитесь сами, т. Теодорович, что революционеры, которые доблестно держали свое доблестное знамя, революционеры, которые утверждают, что их партия враждебна не только государству, но и основам буржуазного строя, высказываются так, что их совсем легко смешать с конституционалистами-демократами. Да это иначе и быть не может. Нельзя рассуждать так, что Богданович давал такие показания из страха. Многие народники пошли на смертную казнь и понесли самую тяжелую кару, испили чашу до дна, и это нисколько не помешало им говорить то же, что говорил Богданович.

Возьмем показания Златопольского. Златопольский—человек, который, как вы знаете, работал на одном из ответственных фронтов Народной Воли—в военной организации. Я не буду говорить о том, что он утверждает, что народовольцы не антигосударственники, перейду к тому, что для нас интересно.

«Ближайшие задачи партии будут осуществлены, когда будет создан Земский Собор» и особенно далее: «... таким образом вопрос о совместности народоправления с монархией, с принципиальной его

стороны, решается в положительном смысле, подтверждением чему служит письмо к императору от 10 марта»⁸.

Я подчеркиваю то место, в котором говорится, что конкретно «ближайшие задачи будут осуществлены, когда будет созван Земский Собор», и что монархия совместима с народоправлением!

Согласитесь сами, т. Теодорович, что разница не очень велика между конституционалистами-демократами и народовольцами, стоявшими на ответственных и опаснейших фронтах Народной Воли, людьми, которые не могут быть заподозрены в какой-нибудь трусости или в поступке, который бы можно было охарактеризовать позорными словами.

Это говорит за то, что не все народовольцы были террористами, не все террористы были народовольцами. Это только подтверждает мысль Владимира Ильича, что здесь действительно происходила эволюция направо к либерализму и что была бесконечная гамма переходов различных оттенков и различных направлений слева направо. Товарищи, это лучшие времена Народной Воли.

Приведем еще пример из того времени, когда была сделана героическая попытка оживить уже погибающую, разлагающуюся Народную Волю. Я говорю о времени Германа Лопатина, Протопопова и Якубовича. Якубович—замечательная личность, необыкновенно интересный человек, человек действительно без упрека, человек, представляющий собой воплощение человеческой совести, человек, который ни одним штрихом не мог вызвать какого-нибудь сомнения в том, что он поступил не этически, не честно.

Посмотрите его показания, посмотрите его борьбу за каждую человеческую жизнь, которая за ним стояла, и вы увидите, чем он был. Он создал новую партию Молодой Народной Воли. И конечно в центре этой партии были разные люди. Может быть можно отрицать, что это так, в этой руководящей группе, но это подтверждает Бах, который был нехарактерной фигурой основной группы народовольцев. Несомненно, это не тот герой, который создавал идеологию, но это был человек, который стоял близко к Народной Воле, на квартире которого происходили собрания, где обсуждалась программа партии Народной Воли. Он принял участие в обсуждении этих вопросов, и когда его привлекли к дознанию, он прямо назвал себя и сказал—я конституционалист, я прогрессист, я не только не желаю революции, я страшусь, я боюсь революции. Я повторяю—это не характерная фигура для Народной Воли. Но возьмем Якубовича, возьмем его борьбу за Молодую партию Народной Воли. Из-за чего шла борьба, я коснусь в конце своего сообщения, а сейчас скажу: когда Якубович всей совокупностью обстоятельств был приведен в положение побежденного, когда ему пришлось отказаться от создания своей особой организации, во-первых, он сказал, что не полезно, не рационально дробить революционные силы, и, во-вторых, он убедился, может быть, в неправильности своих теоретических положений. В письме к другому народовольцу И. И. Попову, который недавно издал свои мемуары (мне придется коснуться в конце своего доклада и этого), он говорит о том, что, несмотря на разногласия, все-таки придется пойти на уступки старой Народной Воле и отказаться от отдельных организаций. И вот как он выражается о народниках и о современниках (т. е. его времени) Народной Воли:

⁸ «Красный архив» № 20, 1927 г., с. 227—228.

«У народников одних почва несомненно прочная и надежная—беда только в том, что они времени требуют очень немного, всего на всего десять тысяч лет. У нас, революционеров-террористов, дело не так стоит ясно. Мы знаем одно верно и в одно верим непоколебимо, твердо, что какие бы неудачи ни преследовали нас, мы не оставим своей деятельности, не сложим руки и снова пойдем вперед и вперед, в огонь битвы». Как видите, упрекнуть человека такого, как Якубович, в том, что он отказывается от заветов старой Народной Воли, от борьбы, нельзя, и вот тем не менее как он характеризует современное положение: «Так всегда бывает: чем мы практичнее и зрелее, тем наши требования минимальнее, ближе к наличным условиям действительности. И мне кажется, что единственная форма русской революции, в которую можно верить, как в неизбежный минимум, есть та форма, о которой говорит прекрасная статья № 10-го «Вместо внутреннего обозрения»: «Призыв к народу с высоты трона, поколебленного ударами революционеров»⁹. Это то самое место, которое в свое время цитировал Плеханов, это то самое место, которое посвящено Якубовичу. Это из статьи № 10 «Народной воли», написанной Германом Лопатиным. Здесь говорится о конституции, земском соборе, учредительном собрании и т. д. Я не буду на этом долго останавливаться, у меня нет времени. Я бы мог продолжать следить за этой эволюцией направо. Я мог бы хоть коснуться таких интересных организаций, программы которых представляют большой интерес, которые служат переходом к Партии Народного Права. Эти программы в высокой степени интересны. Но за отсутствием времени разрешите мне коснуться здесь только тех примеров, которые являются прямой иллюстрацией основных положений В. И. об эволюции народничества направо к либерализму.

Если просмотреть те программы, о которых я говорил, программы Богучарского и программу Партии Народного Права, где имеется почти полный отказ от революционной программы Народной Воли, где имеется в зародыше либеральная программа, мы увидим, что действительно прав был В. И., когда он в «Задачах русской социал-демократии» утверждает, полемизируя с Лавровым и народоправцами, что эти два направления как раз и характеризуют лучше всего переход народовольцев от крестьянского социализма к либерализму. Часть народовольцев ушла по одному пути, другая часть пошла по другому. В. И. говорит народовольцам—скажите прямо, что вы не имеете права называть себя социалистами.

Я не буду приводить огромного количества цитат. Тов. Теодорович, по его словам, привел огромное количество цитат. Я могу вам тоже привести 4—5 цитат из первых номеров «Народной воли», из передовой статьи № 1, 6, 7 и 10 «Народной воли», приведу цитату из программы Исполнительного комитета. Эти цитаты говорят будто бы о том, что народовольцы представляли себе революцию не иначе, как революцию народа.

В вашу пользу, т. Теодорович, между прочим говорит статья № 4. Там действительно больше всего говорится о необходимости привлечения народных масс. Но та статья, на которую вы ссылаетесь, статья в № 10, как раз эта статья говорит не столько в вашу пользу, сколько в противоположную. Это по той простой причине, что у народовольчества было два крыла: одно, которое шло налево, другое—которое шло направо. Эта статья, повидимому, принадлежит Тихомирову (я не знаю, быть

⁹ «Красный архив» № 36, 1929 г., с. 162.

может, я ошибаюсь, товарищи народовольцы лучше меня знают, кто автор статьи; № 10 помечен сентябрем 1884 г.). Есть все основания предполагать, что была именно тихомировская статья. Тов. Теодорович приводит здесь примечание. Берет не текст, а примечание, где говорится:

«Во избежание недоразумений,— говорит автор статьи,— напомним, что наша партия никогда не ожидала этого переворота исключительно от заговора. Переворот может быть результатом самостоятельной революции; партия во всяком случае должна принять участие в революции, чтобы помочь ей закончиться указанным переворотом»¹⁰.

Если обратиться например к другим работам Тихомирова, то мы увидим, что там говорится больше всего о заговоре. В этой статье есть цитата, которая говорит за то, что народовольцы ориентируются на народ. Но имеются и такие места, которые говорят о том, что они представляют собой заговорщиков.

«Невозможность открытой легальной организации заставляет нас быть заговорщиками, «подпольными» деятелями. Тайное же общество, по существу дела, не может быть многочисленным, тем более не может охватывать массы».

Другая цитата:

«Это опять суживает возможность для современной организации охватывать собою народные массы. В общей сложности наши задачи теперь сводятся, таким образом, лишь к подготовке возможности такой организации, какая необходима будет в эпоху революции, т. е. организации, охватывающей одновременно и нас, и значительные массы народа».

Еще одна цитата: «...Мы считаем вредными необычайные мечты о широкой народной организации»¹¹.

Из статьи, из которой т. Теодорович берет цитаты, говорящие о том, что народники мыслили себе революцию только как народную революцию, как видите, можно выбрать цитаты прямо противоположные.

Но конечно не в этом дело. Дело не в цитатах. Суть в том, что было на практике, на деле. Какая была тогда экономическая основа, которая меняла этого самого мелкого производителя. Этот мелкий производитель представлял собой тот материал, которым оперировало народничество. Вот как нужно ставить вопрос. Тов. Теодорович утверждает например, что народовольцы предвосхитили во многих отношениях теорию диктатуры пролетариата, сформулированную т. Лениным. (Теодорович: «Я нигде этого не говорил»). Простите, я говорю свое мнение, которое я вывел из ваших положений. Простите меня, то положение которое вы развиваете, заключается в том, что вы предполагаете, что у народовольцев, хотя бы в знатке, была мысль о новой экономической политике, что они предвосхитили нэп, что народовольцы предвосхитили целый ряд ленинских положений, что у них были зародыши уже каких-то новых учений о государстве, что они не удовлетворялись учредительным собранием. Вы это доказываете цитатами, а не природой, не социально-экономической природой этой партии. А между тем, я думаю, что одними цитатами доказать ничего нельзя.

Одной из главных цитат, которую приводит т. Теодорович в пользу того мнения, что народовольцы не удовлетворялись учредительным собра-

¹⁰ «Народная воля» № 10, с. 665, «Литература социально-революционной партии Народной Воли» 1905 г.

¹¹ «Литература социально-революционной партии Народной Воли», 1905. «Народная воля» № 10, с. 665, 668 и 669.

нием, является параграф 2 программы Исполнительного комитета. В параграфе 2 раздела «В» программы Исполнительного комитета буквально говорится следующее (я сначала прочту так, как привел т. Теодорович):

«Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это конечно далеко не идеальная форма проявления народной воли».

Если остановиться и поставить здесь точку, то совершенно ясно, что народовольцы действительно мыслили себе какую-то иную форму, чем Учредительное собрание. Но это заключение вытекает из цитаты т. Теодоровича, а не из программы Исполнительного комитета, ибо вот что действительно написано в этом параграфе 2 программы Исполнительного комитета:

«Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это конечно далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считает нужным поэтому остановиться именно на ней»¹².

Товарищи, если народовольцы считают, что Учредительное собрание—далеко не идеальная форма народного представительства, но что в настоящее время это единственная возможная форма и что именно поэтому на ней необходимо остановиться, то можно ли отсюда сделать тот вывод, будто народовольцы предвосхитили какую-то новую форму государства?

Далее т. Теодорович делает ссылку на Квятковского и Ширяева. Конечно не только эта сторона деятельности характеризует Народную Волю. Если бы Народная Воля характеризовалась только этой эволюцией направо, тогда бы никто не стал говорить о всемирно-историческом значении этой действительно непревзойденной в некоторых отношениях организации. Дело заключается в том, что по мере того, как эволюционировали социально-экономические основы, на которых вырастало народовольчество, по мере того, как создавался пролетариат сельскохозяйственной и городской, по мере этого происходила эволюция революционной интеллигенции. Поэтому с самого начала и народовольчества и народничества от них отделялись те элементы, которые ставили вопрос о создании классовой организации пролетариата, сначала робко, сначала неясно, недостаточно резко, недостаточно отчетливо, но все же ставили этот вопрос. Намечалась программа социалистической классовой партии пролетариата. Народовольцы шли здесь ощупью, то отступая назад, то сразу быстро двигаясь вперед. И это происходило именно потому, что совершенно своеобразно вырастал пролетариат, в некоторых своеобразных условиях создались эти носители коммунистических идей, пролетарии, новые элементы буржуазного общества. Но заслуга не только одних народовольцев в создании пролетарской организации. Народники еще до создания Народной Воли создали большую рабочую организацию «Северный союз русских рабочих», и от них народовольцы наследовали умение работать в пролетариате, но и заслуга народовольцев в этом отношении огромна. Уже в начале 80-х гг., как это всем известно, при ближайшем участии Желябова и других членов Народной Воли была хорошо и широко

¹² «Литература социально-революционной партии Народной Воли», 1905, с. 163, программа Исполнительного комитета, раздел «В», § 2.

поставлена пропаганда среди рабочих, и была создана крепкая могучая рабочая организация в Петербурге и Москве. Но только в 1883 г. был поставлен принципиально вопрос об изменении всей программы Народной Воли, именно во времена Якубовича, Германа Лопатина; расхождение, которое произошло между молодой партией Народной Воли и старой партией Народной Воли, между прочим касалось и вопроса об ориентировке на трудящиеся массы. Нельзя конечно приписывать Якубовичу того, что обыкновенно ему приписываю. Нельзя полагать, будто у молодой партии Народной Воли постановка вопроса была совершенно нова, что это была постановка вопроса о создании новой, классовой социалистической партии пролетариата. Это неверно. Но что было зерно, из которого выросла действительно настоящая пролетарская организация—это верно; что там был взят курс на новую работу, на новую установку всей партии Народной Воли—это несомненно.

Однако Якубович примешал, припутал к этим вопросам много народовольческого, он к этим правильным верным элементам своих основных положений припутал много народнического, припутал вопрос об аграрном и фабричном терроре,—старый вопрос, старая тактика народников, старая практика чернопередельцев, напр., члена Петербургской группы Лаврова, который пытался взорвать в Петербурге фабрику Шрадера у Московской заставы. Но заслуга Якубовича заключалась в том, что он был одним из первых народовольцев, которые серьезно и глубоко поставили вопрос об изменении всей программы Народной Воли. Вскоре однако он отказался от этой постановки вопроса и согласился,—во имя чего, это другой вопрос,—со старой программой Народной Воли. Народовольцы создали сильные рабочие организации, напр., в Петербурге (Флеров, Бодаев и др.), в Ростове н/Д, в Казани и других городах. Эти организации нам хорошо известны по материалам и документам, которые говорят о том, что народовольцы в этом отношении действительно были теми революционерами, которые подготовили основательнейшим образом почву для возникающей социал-демократии. Характерно то, что (об этом говорится особенно подробно в воспоминаниях т. И. И. Попова) в этой части своей работы народовольцы сходились с возникающей социал-демократической организацией. И правильно конечно то мнение, которое говорит, что этот период 80-х гг. можно характеризовать, как период перехода от народничества к марксизму. Так его характеризует Владимир Ильич. За отсутствием времени нельзя остановиться на всех этих в высшей степени интересных попытках практических и программных, которые вышли из кругов народовольцев. Они действительно и в своих теоретических рассуждениях, и в своих практических попытках сделали очень много для перехода от крестьянского социализма к марксизму. Это свидетельствует о том, что определенную часть Народной Воли составляли революционные элементы, определенно ориентировавшиеся на революционные элементы трудящихся масс, на пролетариат.

Достаточно привести,—я не могу к сожалению привести других примеров,—достаточно привести ту программу, которую составил Александр Ильич Ульянов, где хотя еще формально признается эта самая теория об особых путях русского исторического процесса, но где уже признается существование классов—пролетариата, буржуазии и всякого рода промежуточных элементов—и где первенствующее, главное значение отдается новому, только-что возникшему рабочему классу.

Далее в этой программе, как вам всем известно, говорится о социал-демократах следующее:

«Что касается социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретическими. Они сводятся к тому, что мы возлагаем большие надежды на непосредственный переход народного хозяйства в высшую форму и, придавая большое самостоятельное значение интеллигенции, считали необходимым и полезным ведение попутно борьбы с правительством»¹³.

Эта часть работы Народной Воли, работа с пролетариатом, имеет огромное историческое значение, и на ней стоит обязательно остановиться исследователю истории партии Народной Воли. Но не в этом конечно историческое значение партии Народной Воли, как и не в том, будто бы она предвосхитила, хотя бы в зародыше, те теоретические положения, которые получены и оформлены большевизмом в его историческом развитии. Если уж искать источники, отцов Народной Воли, у которых народовольцы заимствовали учение о будущем обществе, то извольте обратиться к Лаврову.

Если подходить к вопросу формально, словесно, то вы в книгах Лаврова о Парижской Коммуне и о «Государственном элементе в будущем обществе» можете найти, и повторяю, формально, и намеки на ОГПУ, и органы подавления классовых врагов, и Временное правительство, и диктатуру пролетариата. Н. М. Лукин, как известно, очень много пользовался Лавровым в своей работе о Парижской Коммуне.

Вот откуда почерпнули, если вообще почерпнули, народовольцы это самое учение о том, что будет на другой день после революции. Народ? Но ведь революционные силы, те массы, о которых говорил автор этого «Государственного элемента в будущем обществе», это тот же самый народ, это те же самые мелкобуржуазные производители, это та же самая социально-экономическая основа, о которой говорили Ленин и Плеханов, говоря о народничестве. Большая однако разница—говорить ли о том, что народовольцы предвосхитили идеи большевиков, и то, что они эволюционировали отчасти к марксизму; утверждать, что они предтечи большевиков, это, по-моему, доказывает совершенное непонимание того, что представляли собою народовольцы.

В чем громадное историческое значение Народной Воли—этой невиданной, замечательной организации? В. И. об этом говорит. В. И. говорит (разрешите, здесь я уж процитирую это место), сравнивая эпигоны народничества с теми народовольцами, которые действовали в подполье, которые действовали в момент расцвета Народной Воли, действовали воистину по-революционному, создавали организацию пролетариата, создавали боевую вооруженную организацию и, действуя террористическими актами, связывались, насколько это было возможно и в их силах, с народными массами, старались продвинуть свои заговорщические организации в народные массы. Сравнивая этих народовольцев с эпигонами народничества, В. И. говорит следующее:

«Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот, и это громадное распространение достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом,

¹³ «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», Гиз, 1927, с. 379.

выражающим только интересы мелкой буржуазии»¹⁴. Вот что говорит Ленин.

Ничего нет обидного в том, что народовольцы, будучи настоящими революционерами, были революционно-буржуазными демократами. Ничего обидного нет в том, что в первый раз в истории русского народа, в истории русских трудящихся масс нашлись такие буржуазные демократы, которые после декабристов, после первого восстания против царского самодержавия, попытались, не имея сил, не имея социальной основы в лице пролетариата, имея перед собой темное, стихийное, разоряющееся, расслояющееся крестьянство, имея перед собой в качестве социальной основы только этот элемент,—нашлись революционеры, буржуазные демократы, поставившие вопрос о свержении самодержавия. Они проявили в полном смысле слова якобинские методы борьбы. В этом их глубочайшая заслуга. Но заслуга народовольцев вовсе не в том, что они предвосхитили большевистские положения, их заслуга вовсе не в том, что они подняли вопрос о каком-то новом типе государства, что они в этом «российском банке», о котором они говорили, предвосхитили нэп, не в том их заслуга, что будто бы община будет владеть фабриками и заводами (это синдикалистская идея, а не идея Советов), не в этом во всем заключается их заслуга.

Их заслуга в том, что это были последовательные якобинцы, демо-краты, революционеры, которые, повторяю еще раз, впервые после попытки декабристов свергнуть самодержавие, с малыми средствами, бывшими в их распоряжении,—они не имели перед собой широкой пролетарской базы, не имели огромного сочувствия трудящихся масс¹⁵—поставили перед собой задачу свергнуть самодержавный строй и беззатратно пошли на виселицу, на смерть, зовя с собой на борьбу народ, все смелое, честное и свободное.

Вот в чем заключается заслуга, величайшая заслуга этих революционеров, буржуазных демократов. Вот почему мы до сих пор в изумлении перед той нечеловеческой революционной энергией, которой обладали эти самоотверженные борцы революции, эти самоотверженные борцы за интересы народа. Пускай их программы порой неправильны. Пускай они иногда неверно представляли себе путь революционного развития, это не беда. Заслуга их заключается в том, что они при ничтожных средствах сделали попытку свергнуть самодержавие. Пускай тот путь, по которому они следовали, не всегда был верен, но они сумели смело поставить вопрос, сумели поставить по-настоящему, по-революционному, и будучи социалистами-утопистами, взвывали к народу, зовя его на восстания. Они сумели создать огромную организацию, от которой мы многое переняли. В. И. и Плеханов говорят о том, что мы очень многое переняли от народовольцев. Мы многому от них учились. Мы учились от них воздействию на огромные революционные народные массы.

Вот в чем заключается величайшее историческое значение Народной Воли. Вот почему мы, коммунисты, должны в высокой степени внимательно относиться к истории Народной Воли. Вот почему мы тщательно и внимательно должны изучать стремления тех элементов народничества, которые шли от крестьянского утопического социализма к пролетарскому, рабочему, марксистскому, коммунистическому, большевистскому социализму.

¹⁴ Н. Ленин (В. Ульянов), Собр. соч., т. I, изд. 1-е, с. 178.

¹⁵ Как совершенно правильно говорит эпигон народовольцев Богораз, массы были вместе с царем, и нужно было пережить 9-е января 1905 г. для того, чтобы эти самые революционные массы перестали слепо доверять царю.

СОДОКЛАД И. ТЕОДОРОВИЧА

За те 40 минут, которые мне отведены, я не успею во всей полноте рассмотреть вопросов, поднятых как моей статьей, так и моими оппонентами в печати и в сегодняшних докладах. Поэтому свой ответ я построю таким образом, что коснусь только самых основных линий спора с тем, чтобы детали отнести к той журнальной полемике, к которой нас отослали редакция газет «Правда» и «Известия».

Во всяком, товарищи, споре прежде всего нужна точность в терминологии. Если мы не условимся в употреблении терминов, мы неизбежно усложним вопрос, запутаемся, даже если мы подойдем к вопросу абсолютно добросовестно.

Говоря в частности о народничестве в целом, я нахожу, что настало время, когда надо изучать Ленина, если можно так выразиться, не только анатомически, но уже гистологически, анализируя каждую дробную его мысль, каждый ее нюанс. Ленин любил цитировать из «Фауста»: «Теория—серая, но вечно зелено дерево жизни». Так вот не надо из Ленина делать субъекта этой «серой» теории, ибо в действительности он был человеком, всей своей душой понимавшим и чувствовавшим «зеленое дерево жизни».

Вот, товарищи, я приведу вам одну фразу. Я буду читать нарочито медленно, чтобы вы почувствовали, что надо условиться в понимании даже ленинских терминов. Я читаю (т. II, с. 59):

«Если народник кричит, что марксист не хочет знать фактов, тогда для уличения его достаточно даже простой ссылки на любую принципиальную народническую статью 70-х годов». Народников Ленин противопоставляет... народникам. Это интригует!

Открываем страницы 342—343. На этих страницах Ленин употребляет формулы: «народники в узком смысле», «народники в широком смысле», опять «народники в узком смысле», опять «народники в широком смысле». Наша заинтригованность растет.

Если какой-нибудь человек не будет отличать «народников в широком смысле» от «народников в узком смысле», а всех их возьмет суммарно вместе, всех объединит, то не будет ли этот человек напоминать нам того, про кого Энгельс в предисловии к Анти-Дюрингу сказал: конечно, можно в одном широком обобщении охватить корову и сапожную щетку, но от этого щетка не будет давать молока. Предупреждаю, товарищи, что бесплодность таких обобщений выяснится нам всем в результате полемики. Вот, не угодно ли, товарищи, после этих предварительных замечаний обратиться к интереснейшей цитате из Ленина. В т. XII ч. 1, на с. 97 мы читаем:

«Во всем русском народничестве.... нет ни грана социализма». Какая ясность! Ни грана социализма! Запомним это.

В то же время возьмем «Друзей народа» и развернем их на с 186 (т. I). Там мы читаем как будто нечто совсем другое.

«Струве,— пишет Ленин,—совсем не совершаet такой ужасной несправедливости. Он говорит об «утопичности национального социализма» народников, а кого он относит к народникам,—видно из того, что он называет «Наши разногласия» Плеханова полемикой с народниками. Плеханов, несомненно, полемизировал с социалистами, с людьми, не имеющими ничего общего (разрядка моя — Ив. Т.) с «серьезной и порядочной» русской печатью. И потому Г. Кривенко не имел никакого права

отнести на свой счет того, что относится к народникам». Позвольте,— скажет любой из вас,—как же так? Народник Кривенко—не относится к народникам; в народничестве нет ни грана социализма, а сам говорит, что Плеханов полемизировал с народниками, которые являются социалистами?

На странице 179 тома первого Ленин пишет: «Поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества; к этому сводились в сущности все наши старые революционные программы, начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народовольцами, у которых ведь тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий земский собор, занимала далеко не последнее место».

И так, народовольцы называются социалистами. Недоумению нашему нет конца: еще раз,—ни грана социализма, а в то же время они—социалисты! Конечно, можно сказать: позвольте, когда Ленин писал это? Он написал эти слова в 1894 г., собственно говоря даже в конце 1893 г., т. е. юношей в возрасте 23 лет. Может быть проживши богатейшую политическую жизнь, получивши громадный опыт, он стал по-иному думать и говорить? Поэтому, товарищи, позвольте процитировать вещи, более к нам близкие. Возьмем статью, писанную в 1911 г.—в 1911 г., товарищи, т. е. двадцать лет спустя после написания «Друзей народа». Вот что писал Владимир Ильич о Толстом:

«Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России не какой иной, как буржуазный строй» (т. XI, ч. 2, с. 172). И далее: «Учение Толстого безусловно утопично и по своему содержанию реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова». А дальше начинается прямая сенсация, товарищи: «Но стсюда вовсе не следует того, чтобы это учение не было социалистическим, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный (N.B. ценный!—Ив. Т.) материал для просвещения передовых (N.B. передовых, т. е. в том числе и пролетариата—Ив. Т.) классов» (с. 174. Разрядка моя—Ив. Т.)

Товарищи, давайте разберемся. Вы согласитесь со мной, что надо, следовательно, установить, что же Ленин понимал, наконец, под социализмом, если в одном случае он говорит, что во всем народничестве не было ни грана социализма, а в другом—заявляет, что даже у Толстого были социалистические, критические элементы, ценные для просвещения передовых классов.

В чем же тут дело? Это надо уразуметь, товарищи; кто не поймет в чем тут дело, тот напутает со своей щеткой. Он придет чистить, а на деле загрязнит, засорит весь вопрос. А дело в том, что як и все Ленин различал научный социализм от социализма утопического, социализма мелкобуржуазного. (Ц. Фридлянд: «Есть еще социализм реакционный»).

Не помогайте мне, т. Фридлянд. Я знаю, разумеется, что вы архиэрudit, но я, быть может, справлюсь и без вашей помощи. Теперь все абсолютно делается нам ясным. Во всем народничестве нет ни грана социализма, но социализма... научного. Есть анекдот о школьнике. Отвечая урок, он сказал: «Когда род человеческий очень сильно размножился и не осталось на земле ни одного человека...» Учитель его прервал: «Что за вздор ты говоришь?» Ученик обиделся и говорит: «Ей-богу, в книге так написано». Взяли книгу и прочли: «Когда род человеческий очень сильно размножился, и не осталось на земле ни одного... праведного человека». Бедный школьник все вызубрил, но пропустил слово

«праведного». Вот почему у него получился абсурд. Так же «зазубрили» мои оппоненты: они пропускают слово «научного». Да, действительно, ни грана научного социализма в народничестве. Верно это или нет? На все 200% (на 100% теперь опасно говорить). Невский: («Неслышно»).

Не помогайте мне, т.т. Невский и Фридлянд. А то выходит у нас, что мама рожает, а папа кряхтит. Идем дальше. В утопическом социализме Ленин различал крестьянский и мещанский социализм. Это различие колossalной важности. Обратимся к с. 61 т. II.

Ленин полемизирует со Струве: «Струве... назвал народничество «национальным социализмом»... Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский»—по отношению к старому русскому народничеству и «мещанская»—по отношению к современному. «Источник» народничества—преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России». И дальше: «Я отличаю старое и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ» (с. 61).

Итак, картина получается совершенно четкая. Была определенная давно прошедшая, долго развертывавшаяся во времени система хозяйства: в других местах Ленин ее определяет, как простое товарное производство, осложненное засильем остатков крепостничества и торгового капитала. В эту эпоху, говорит Ленин, существовало еще и натуральное хозяйство, носителем которого являлся мелкий производитель, а с другой стороны, простое товарное хозяйство уже переходило кое-где в высшую форму товарного хозяйства,—в капиталистическое хозяйство. Представителем простого товарного хозяйства был мелкий производитель, уже ставший собственно товаропроизводителем. Идеологи этого мелкого производителя как натурального, так и товарного, видя, как надвигавшийся ураган капитализма разорял, крушил, давил, губил мелкое производство как натуральное, так и товарное, особенно, конечно, последнее,—приняли такую точку зрения: надо уничтожить капитализм в самом зародыше, надо предупредить производителя, что он погибнет, когда станет товаропроизводителем. И вот Ленин говорит: тех, кто держится той точки зрения, что капиталистическую систему производства нужно уничтожить в целом, тех я называю крестьянскими социалистами. (Голос с места: «Это сказано у Ленина?»). Да, это сказано у Ленина, товарищи. А того, кто говорит, что при сохранении капиталистического строя земледелие может эволюционировать некапиталистическими путями, я обвиняю в том, что на деле он приспособляется к капитализму и становится мелким буржуа, товарным мужиком,—и потому я таких людей называю «мещанскими социалистами».

Товарищ, крикнувший с места, повидимому, хочет, чтобы я доказал это прямыми цитатами из Ленина. Я могу это сделать. Откройте с. 179. Там мы читаем: «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство (разрядка здесь и ниже—ленинская) на социалистическую революцию против основ современного общества,—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества». Ведь только глупец не поймет этих кристаллически ясных

слов. Констатировав, что эпигоны народничества хотели промаршировать в одной компании с революционными народниками, Ленин пишет: «И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма, и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Пусть мои оппоненты отметят себе тот факт, что Ленин слова: «идеи социализма»—пишет без всяких уничтожительных кавычек при слове «социализм». Мы еще увидим, как глубоко Ленин уважал, вместе с основоположниками марксизма, критически-утопический социализм, чего совершенно не понимают Татаров и другие мои критики. Далее Ленин, громя эпигона, восклицает: «Да, вы пачкаете эти идеалы. В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов (опять без кавычек!—Ив. Т.)? Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда—вера в возможность крестьянской социалистической революции—вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, что они не умели ценить громадной (разрядка моя—Ив. Т.) исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти» (т. I, с. 178).

Я не знаю,—прав ли Ленин, утверждая, что не нашлось такого революционного социал-демократа, который не умел бы ценить громадной заслуги людей, отвергавших основы капиталистического общества, но среди коммунистов такие неразобравшиеся товарищи имеются. И мне очень жаль, что в числе их оказался В. И. Невский. Ведь сказал же он сегодня: «Не в том была заслуга народовольцев, что они хотели ниспревергнуть «основы современного общества» (слова Ленина!—Ив. Т.), а заслуга их—в борьбе за политическую свободу». В стенограмме все это будет отражено, Владимир Иванович! А между тем подумайте, что слова о громадной исторической заслуге Ленин написал сразу же после слов о «крестьянской социалистической революции» (см. выше, цитата из т. I, с. 178). Что у народовольцев Ленин больше всего ценил как раз не их борьбу за политическую свободу, а их штурм основ современного общества, показывают—до полной прозрачности ясно—следующие слова: «Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию (внимание т. Покровского!—Ив. Т.). В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба народовольцев с правительством становится борьбой радикалов за политическую свободу» (т. I, с. 190). Неужели, т. Невский, вы не можете, вслед за т. Покровским, понять этих совершенно ясных слов? Они говорят о том, что, по Ленину, народовольцы боролись с правительством как-то по-иному, чем эпигоны народничества, ставшие простыми радикалами, «опошлителями народничества» (т. I, с. 188). Как же «по-иному»? Да так, что сокрушая правительство, народовольцы думали, что убивают рассадник, главный рычаг капитализма, т. е. совершают (добавлю для непонятливых младенцев), конечно, не пролетарскую,—но все же антибуржуазную революцию. Вот т. Невский восклицает: «А как Ленин думал позднее?» Нигде, Владимир Иванович, Ленин не говорил ничего иного,—ни в одном из последующих своих сочинений.

Товарищи, давайте же искать, раз является сомнение. Посмотрим, что пишет Ленин в других своих произведениях.

Время двигалось. После того, что я вам прочел, прошло 9 лет. И вот уже в 1902 г. вместо народников появились социалисты-революционеры, которых Ленин называет «левыми народниками» там, где он печатался легально, и эсерами—там, где он печатался нелегально. Всем вам известна его знаменитая статья «Революционный авантюризм». Вот что пишет в ней Владимир Ильич: «Отношение социалистов-революционеров к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма (говорится без ковычек.—Ив. Т.) и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные сторонники оппортунистической критики, которые кривливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции «критикой». Под «сторонниками критики» разумеются эсеры, которые у бернштейнианства брали аргументы в защиту идеи некапиталистической эволюции земледелия при капитализме. Что же мы видим? А то, что Ленин продолжает отличать народников эпохи «старого социализма» и от эпигонов, и даже от эсеров, которые тем отличались от народовольцев, что в то время как последние социализацию земледелия мыслили как часть общей социализации, они свою социализацию земли вводили в программу минимум, т. е. считали ее осуществимой в рамках капитализма.

Проходит еще некоторое время. Наступает 1903 год. Ленин уже «большевик», ибо уже произошел раскол. Ленин уже вождь нашей фракции. Вот что он пишет: «Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение (внимание!—Ив. Т.) старого русского классического революционного народничества, которое неуклонно происходит с 80-х годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей не более, как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок существующего буржуазного общества» (т. IV, с. 262). Неужели, т. Невский, вы не видите, что в 1903 году Ленин смотрит на вещи так же, как и в 1893 году? В своей статье я употребляю термины: «левое крыло» и «правое крыло» утопического социализма и показываю, в чем их разница. Неужели не ясно, что мое «левое крыло» совпадает с «революционным народничеством» Ленина, а мое «правое»—с «эпигонами», с либерально-народнической линией—у Ленина.

За недостатком времени я опускаю целый ряд других цитат. Скажу только, что например в 1905 году Ленин писал о том, что именно тот факт, что натуральное и простое товарное производство перерастали в конце-концов в капитализм, повлек за собой перерождение «чистого» народничества в современный эсеровский Эклектизм» (т. VIII, нов. изд., с. 257).

Вы все знаете прекрасные слова Энгельса о том, что диалектике «идей», течению «идей» всегда соответствует диалектика «вещей». Конечно перерождение старого народничества в новое соответствовало перерождению хозяйственной действительности: оно является отражением того

перерождения крестьянина в мелкого буржуа, о котором Ленин говорит сотни и сотни раз.

Кстати напоминаю вам, что «Коммунистический манифест» различает мелкого буржуа и крестьянина. Энгельс употребляет те же термины—крестьянин и мелкий буржуа. Плеханов тоже не смешивает в одну кучу мелкого буржуа и крестьянина. Все наши учителя понимали, что есть ряд переходов от мелкого производителя—через товаропроизводителя и мелкого буржуа—к буржуазии. Ленин например писал: «В жизни мелкий производитель рядом незаметных переходов сливаются с буржуазией» (т. II, с. 21) и еще: «Мелкие производители выделяют горстки буржуазии и массы пролетариата» (ibidem, с. 22).

И так, согласно Марксу, Энгельсу, Плеханову и Ленину, мелкие производители имеют в себе две души, которые Маркс и Ленин характеризуют следующим образом: Маркс пишет в «18-ом брюмера»: «Династия Бонапартов является представительницей не просвещения, а суеверия крестьян, не их рассудка, а их предрассудков, не их будущего, а их прошедшего, не их современных Севенн, а их современной Вандей». Ленин же говорит уже в 1918 г.: «Крестьянин, как труженик, как человек, вынесший гнет капитализма, такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать». Итак, в мелком производителе—душа собственника и душа труженика. В капиталистическом обществе эти «души» разъединяются, и у одних слоев берет верх первая: они врастают в капиталистическую систему; у других же—вторая: они склонны идти за пролетариатом. Наоборот, в простом товарном хозяйстве эти души не диференцированы еще, находятся в равновесии; наконец в обществе, возглавляемом рабочим классом, мелкий товаропроизводитель может быть подвергнут социалистической переделке, поскольку душа «труженика» в таком обществе легко взять верх над душой «собственника».

В 1897 году Ленин цитировал слова Скалдина о русском крестьянине и добавил: «Нашего крестьянина Скалдин в высшей степени верно и метко называет «оседлым пролетарием» (т. II, с. 316). Но нужно помнить, что уже и тогда Ленин понимал, что нельзя говорить о крестьянине суммарно, в целом. Он уже тогда знал, что для социалистической борьбы важно то крестьянство, которое он потом начал называть «беднейшим», «эксплоатируемым», «трудящимся», «полупролетарским», ибо в конце-концов такой крестьянин—«оседлый пролетарий», который при известных условиях может изжить «предрассудки» собственника.

Таким образом, товарищи, получается ясная истина, что подобно тому как крестьянин в процессе развития капиталистического способа производства превращается «в деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат» (Ленин, т. II, с. 92), так «старое, революционное народничество превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя (NB.—От себя! Понимают ли эти слова мои критики?—Ив. Т.) марксизм» (т. II, с. 84). Таким образом совершенно ясно, что крестьянский социализм народовольцев, по Ленину, превращался и превратился в «мещанский социализм» эпигонаов.

Итак, вместе с Лениным мы должны отличать социализм научный от социализма не-пролетарского, от социализма домарксов. Но в этом последнем мы вместе с Лениным же различаем социализм крестьянский и социализм мещанский. Кто знает из вас «Коммунистический манифест»,

тот знает, что Маркс именно так и различал школы не-научного социализма. Буржуазный и феодальный социализм нас не интересуют, поэтому мы обращаем внимание на такое деление у Маркса: мелкобуржуазный социализм и социализм критически-утопический. Я вернусь вскоре к этим классическим страницам «Коммунистического манифеста» и сопоставлю их с делением Ленина, и вы увидите, что классификация у обоих авторов совпадает. А сейчас, как это мне ни грустно, но я должен сказать несколько слов «*pro domo suo*». Я в своей статье резко различаю утопический социализм от научного социализма. Мне печально было брошено обвинение, будто я смазываю разницу между народовольцами и большевиками! А на деле моя позиция такова, что именно я каждой строчкой—я буду сейчас много цитировать,—повторяю, каждой строчкой, зная, с какого сорта читателем я имею иногда дело, вдалбливаю ту мысль, что народовольчество—социализм утопический, а большевизм—научный. Итак, буду цитировать. Когда вам надоест, вы мне скажите: довольно, вопрос ясен. Это—наша сакральная большевистская формула. Начинаю.

«Чтобы отчетливее понять данную здесь постановку вопроса, укажем, что автор статьи трактует ход русской истории, как типичный народник. Существовало-де когда-то «народное производство», но вот вмешался в дело новый фактор—современное самодержавное государство,—и хозяйственный строй народа гибнет, так как государство «насаджает буржуазию» («Каторга и ссылка» №№ 57—58, с. 13). На с. 14 я цитирую такие слова народовольцев: «Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием». Тут я добавляю: «по сравнению с тем положением, что «буржуазия вырастает из кулака», определить ее как нарост, т. е. что-то случайное, значит сделать большой шаг назад». Слова о «голом насилии» это дань дюрингианству, а не научному социализму. На с. 15 я пишу: «Статья, из которой мы взяли цитату, не оставляет никакого сомнения в том, что под термином «народный строй» разумеется идеально конструированное простое товарное производство, а под термином «строй эксплоататорский»... производство развитое, капиталистическое. Не-марксисту-автору конечно неизвестно, что развитое капиталистическое общество самым естественным образом вырастает из простого товарного производства: наоборот, ему кажется, что «строй эксплоататорский» явился на Руси как какой-то кошмарно-злой *deus ex machina*». И я развиваю мысль, что весь «социализм» народовольцев заключается в том, что они хотели бы вернуться к простому товарному производству. Переходим к с. 16. Видите, я беру страницу за страницей и не жалею, что был так предусмотрителен! Там читаем: «Без посторонней поддержки государства Разуваев (т. е. кулак—Ив. Т.) не может победить мужика, не может искоренить общинно-социалистической (читатель понимает, что здесь налицо утопическое прикрашивание действительности—Ив. Т.) основы, на которой держится мужицкая жизнь». На с. 17 читаем: «Авторы этих строк не понимали того обстоятельства, что «неразрывная слитость» в их понимании «политического радикализма» и «социализма», переворота политического и переворота экономического, является простым результатом хозяйственной отсталости России и недифференцированности по причине этой отсталости ее общественных отношений». На той же странице читатель найдет такие строки: «Пролетариат—единственный (было набрано

курсивом —Ив. Т.) класс, который может построить социализм. Народовольцы же думали, что демиургом социалистического строя может стать и мелкий производитель, т. е. были утопистами». И там же такие слова: «Народовольцы думали, что новый строй будет возвратом к улучшенному «народному производству».

Извиняюсь, что вернулся назад, к с. 12, но она дает всю установку. Я говорю: «Мы вполне бы понимали такую постановку вопроса, которая говорила бы, с одной стороны, о субъективных (курсив тогдашний—Ив. Т.) мечтах и планах» «Народной воли», а с другой стороны, что из этого вышло бы объективно, если бы «Народная воля» в свое время победила царизм. Можно с полнейшим основанием утверждать, что при сохранении в то время власти мировой буржуазии осуществление, скажем, лозунгов «Земли и воли» привело бы Россию не к торжеству социализма, а к бурному ее шествию по фермерскому пути капитализма (Ленин»).

Я прочту еще только одно место, потому что оно обратило на себя внимание одного из моих оппонентов—И. Татарова—и настолько тщательное внимание, что он его переврал. Я пишу: «Читатель при этом должен иметь в виду, что «социализм» (кавычки были раньше—Ив. Т.) мелких товаропроизводителей не то, что социализм пролетария, что речь идет у нас о последовательных этапах развития, отнюдь не тождественных (Товарищи! Неужели не ясны эти слова: «отнюдь не тождественных»?), а только более или менее сходных, близких явлений». Это место И. Татаров перепечатывает и кое-что набирает курсивом, которого у меня не было. Что же он набирает курсивом? Всякий добросовестный человек подумает: конечно те слова, на которых лежит логическое ударение всей фразы,—а такими являются слова: «отнюдь не тождественных». Ну, нет! Добросовестный человек ошибся, он забыл, что бывают читатели и критики, которые, не будучи в силах ниспровергнуть ненавистного автора, приписывают ему то, чего он не говорил, чтобы иметь хоть какие-нибудь шансы на победу по методу: «сперва оболгать, а потом разоблачить». Так и поступил Татаров. Слов: «отнюдь не тождественных» он не «заметил», зато подчеркнул слова: «более или менее сходных». Но даже и на этом он не остановился и вывел такое заключение: «Значит, социализм народовольцев—явление сходное, близкое с научным социализмом». Как видите «испепелены» не только слова: «отнюдь не тождественных», но даже скромные наречия: «более или менее». Как назвать такой приемчик?

Итак, можно счесть установленным тот факт, что я не считаю социализм народовольцев научным, пролетарским. Но я, вслед за своим учителем Лениным, различаю в непролетарском социализме, во-первых, социализм мелкобуржуазный, мещанский и, во-вторых, критически-утопический, крестьянский. Ведь совершенно ясно, что то, что Маркс называет «мелкобуржуазным социализмом», Ленин называет «мещанским», а то, что Маркс называет «критически-утопическим», то Ленин—как вариант—называет «крестьянским социализмом». Ведь народовольчество—разновидность бабувизма. Я могу привести цитаты из одной очень официальной книги, которая называется «Большая советская энциклопедия», исторический отдел которой возглавляется таким почтенным историком, как М. Н. Гокровский. Там можно прочесть, как оценивается бабувизм и бланкизм, русской разновидностью которых я считаю народовольчество. Но погодите, умерьте свою любознательность или вернее сказать любопытство, я до этого дойду, а сейчас я только категорически утверждаю,

что именно я ничем не дал повода думать, что не различаю социализма пролетария, социализма, развитого на базе материальных предпосылок, созданных капиталистическим обществом, и социализма мелких товаропроизводителей. Наоборот, через всю мою статью ясной нитью проходит эта идея.

Но для еще большей ясности я позволяю себе прибегнуть к некоей параболе, т. е. к тому, что часто позволял себе Чернышевский (относительно него я не посмел добавить, как это всегда делал Ленин—«великий русский социалист»; я боюсь теперь таких слов!) Парабола—это притча. Я прошу расценивать то, что скажу, как образ, как притчу, но ее мысль я развиваю в целом ряде мест своей статьи. Эта парабола совершенно ясно определяет мою точку зрения. Представьте себе, что в какой-нибудь местности существуют кустари сапожники. Живут, работают, благославляют небо по Сисмонди. Но вот в этой местности выстроили фабрику, продукция которой начинает вытеснять продукцию кустарей-сапожников. Я беру только фабрику, я ничего не говорю о предшествующих этапах развития, например о скупщиках. Вы сами понимаете, что притча должна уяснить только центральную мысль. Но так как я знаю, что найдутся такие умники, которые потом скажут: «Ага! вы о скупщиках ничего не сказали, и т. д. и т. д., то ради устраниния лишнего аларма я нарочно оговариваю это обстоятельство. Итак, согласно моей параболе, фабрика начинает нещадно бить мелких кустарей. Кустари начинают отвечать на это жгучей ненавистью к фабрике. История нам показывает, что часто они ненавидят эту фабрику более жестокой ненавистью, чем даже те пролетарии, которые на этой фабрике работают. И часто бывает, что, когда выступают против предпринимателя, то именно этот кустарь, именно этот мелкий производитель склонен к более решительным, к более внешнереволюционным действиям, чем рабочий. Но конечно это только внешность! В чем же различие? Оно в том, что этот самый мелкий производитель хочет одного—разрушить фабрику и вернуться назад—к простому товарному производству. А пролетарий, ненавидящий буржуазию, тоже хочет задушить буржуазию, но получить в наследство ее производительные силы и, овладев ими, развить их дальше и построить социалистическое хозяйство. Вот, товарищи, кто усвоил мысль этой параболы, тот никогда никак не съется в деле различия утопического социализма и социализма пролетарского. В прошлом году я делал доклады о Чернышевском в Саратове и здесь в Москве. Тут сидят товарищи, которые слышали мои доклады. Они могут подтвердить, что я уже в прошлом году рассказывал эту же параболу: я полемизировал при ее помощи со Стекловым, сказавшим, будто Чернышевский—родоначальник коммунизма. Тов. Фридлянд, который все время меня перебивает «критическими» восклицаниями, делает такую же, как Стеклов, ошибку; он о Чернышевском говорит так: «Его внимание к каждому шагу подлинного революционного движения в Европе делает его предтечей рабочей партии» (разрядка моя—Ив. Т.). Или еще: «Сын своего времени, он был гениальным предтечей грядущей эпохи». Это архиневерно и архинеосторожно, что не мешает т. Фридлянду кричать о том, что он не согласен со Стекловым. Ни в одной строчке моих писаний вы не встретите слов: «Родоначальник, предтеча», ибо я прекрасно понимаю то, что только-что было выражено приведенной мною параболой. Разрешите для полной ясности привести еще одно сравнение. Вот перед вами склад, где лежат бочки с цементом, кирпич, железо, железобетонные балки. Из них через некоторое время вырастает дом, ну, скажем, вроде дома

Института Ленина. Что же, можно ли будет сказать, т. Савельев, обращаясь к бочке цемента: «Ты—предтеча Института Ленина?» Нет, это будет неправильно. Но если я скажу, что Институт Ленина критически переработал, синтезировал бочку цемента, то это будет правильно.

Моя мысль такова: мелкий товаропроизводитель, вот этот самый сапожник, в своей борьбе с буржуазией накапляет известный опыт как в области организации, так и в сфере тактики и программных обобщений. Этот опыт пролетариат потом использует, критически его переработав. Понимаю ли я этот факт? Я позволяю себе процитировать опять несколько строк из своей статьи:

«В свете громадных событий последнего десятилетия, в свете гениальных синтезов ленинизма легко увидеть в построениях народовольчества целый ряд тезисов, одних,—в развитой, других—в зародышевой форме, которые суммируют великий опыт борьбы масс мелких товаропроизводителей, воспринятый, критически переработанный и обогащенный пролетариатом» (с. 36).

Вот и подлинная моя точка зрения. Потому я самым решительным образом отмежевываюсь от всех, грешающих «модернизацией» и «идеализацией» прошлого: от Горева, от Стеклова, от Лойко, от Фридлянда и еще от одного автора, которого я сейчас вам буду цитировать. Вот что например писал этот автор:

«Прежде всего в (желябовской) рабочей программе мы встречаем идею (кстати я никогда не говорю об идеях, я говорю о «зародышах» идей. Но этот автор—более властный, более маестатный—позволяет себе говорить о законченной идее.—(Ив. Т.), которая потом реализовалась в идею самостоятельной революционной рабочей партии...» Процитировав еще несколько мест из желябовской программы, наш историк продолжает: «Тут мы встречаем уже совершенно четкую социал-демократическую тактику». Но, не удовольствовавшись изобретением тождества с социал-демократией, автор, увлеченный собственным темпераментом, сравнивает народовольчество уже даже... с коммунизмом. Он восклицает: «Чем не семнадцатый год, когда рабочие в лице Совета рабочих депутатов зорко следили за Временным правительством и пришли к убеждению, что оно никуда не годится и его нужно выкинуть?» Правда, здесь некстати идеализируется весь «Совет рабочих депутатов», хотя всем известно, что меньшевики и эсеры вовсе не признавали Временное правительство никуда негодным, но этот промах сейчас нам не важен: важнее совершенно непозволительная модернизация народовольчества. (Голоса: Назовите автора!)

Теодорович. Вы хотите знать имя этого модернизатора? Имя его М. Н. Покровский.

Я очень прошу, чтобы т. Татаров, т. Генкина, т. Фридлянд, столь ополчающиеся против моей мнимой модернизации, указали здесь публично те свои статьи или другие выступления, где они разоблачали с такой же горячностью, с таким же возмущением уже не мнимое, а подлинное, действительное «модернизированье» со стороны М. Н. Покровского? Если они этих статей не назовут, всякий поймет настоящую цену их возмущения.

Итак, заключаю: я самым недвусмысленным, самым решительным образом, в целом ряде своих статей и выступлений, посвященных истории революционного движения, всегда развивал идею о недопустимости смешивания социализма «кустаря»—социализма мелкого товаропроизводителя,—с социализмом пролетария, но я всегда помню и помнил, что

массы мелких производителей накопляли очень ценный опыт в борьбе со своими врагами—помещиками, кулаками и капиталистами.

Товарищи, позвольте же осветить ту часть моей концепции, которая наименее понята. Когда капитализм обрушивается на мелкого товаропроизводителя, то этот последний жестоко сопротивляется ударам судьбы. Он не хочет гибнуть, совсем так, как говорится в басне Крылова: «Не хочется медведю умирать». Но он сопротивляется самыми различными путями, меняющимися как во времени, так и в зависимости от положения того слоя, который действует в данный момент. Одно крыло этих мелких товаропроизводителей рассуждает примерно так: я чувствую, что погибну, но если правительство или господствующие классы дадут субсидию, окажут кредит, поведут правильную политику цен, то я удержусь. Он хочет оставаться независимым хозяйствчиком.

Другой слой, учитывая опыт своего собрата, начинает рассуждать иначе: на правительство нечего рассчитывать, на совесть, на ум капиталистов нечего рассчитывать, давайте рассчитывать на самих себя. Наладим взаимопомощь, устроим кредитную, потребительскую, сельскохозяйственную кооперацию и тогда, поддерживая друг друга, сохранимся на поверхности, свернем шею капиталу.

И наконец имеется третье крыло, которое начинает на основании учета опыта всех форм борьбы заявлять: ложь, неправда—в ожидании поддержки и спасения от правительства; ничего не выйдет и из прудо-нистской взаимопомощи. В чем сила наших врагов? В политической власти. Прав например Артур Арну, когда он говорит: «Государством, одним только государством, причиняется ваша нищета и слабость, равно как сила и дерзость ваших врагов». Но неправ Артур Арну, когда говорит: «Разобъем эту государственную машину». Нет, захватим ее (отсюда—идея захвата власти—Ив. Т.) революционным путем, а захватив, повторим опыт наших же врагов: употребим эту власть, политическую власть, государственную власть на «задушение» капитализма, на «воскрешение» народного производства. Вот это так рассуждающее, третье, «левое крыло» и высказало—первое—ту мысль, которую потом так блестяще формулировал Лассаль: «За горло его и коленом на грудь!» Так вот, товарищи, этот опыт, опыт революционной борьбы целого класса, громадного класса мелких производителей целиком усвоен был пролетариатом. Для нас с вами тут нет и проблемы, конечно спасение—лишь в революции. А разве всегда так было? Разве всегда так думал рабочий класс? Разве вы не знаете, что пролетариат сплошь и рядом был в плена у легальности, в упованиях на поддержку правительства и господствующих классов. Неужели напоминать вам о том, что Ленин говорил о трэд-юнионизме. История учит, что, после того как мелкому производителю не удалось свергнуть капитализм,—так называемый мною «пролетарий-сын» говорил себе очень часто: капитализм прочен, скинуть его—утопия: жить в его «доме» придется долго—буду же устраиваться. Отсюда такие полосы движения, как наша заславщина семидесятых годов, трэд-юнионизм, похоронные кассы и т. д. и т. д. Но конечно эти иллюзии разбиваются жизнью. «Верую в мощь сберегательных касс»—эта мелодия очень скоро теряет свою власть над рабочими и тогда, обращаясь к опыту своего отца,—пролетарий-сын синтезирует свой опыт, опыт «рабочего» движения, с отцовским опытом—с опытом левого крыла мелких производителей. Этую мысль развивал в 1909 году Карл Каутский. Он говорил: «Великое дело, совершенное марксизмом для классовой

борьбы пролетариата, заключается в соединении утопического социализма (т. е. доктрины мелких производителей и пролетария-отца—Ив. Т.) и рабочего движения (т. е. опыта первой стадии развития пролетария-сына—Ив. Т.)» («Предшественники новейшего социализма», с. 12). Разве не эту мысль развивал в 1902 году Ленин, когда целиком солидаризировался со словами Каутского: «Социалистическое сознание есть нечто, извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто, стихийно из нее возникшее» (т. V, с. 148).

Напрасно т. Фридлянд так волнуется: он ведь занимается историей социализма; он должен это знать. (Звонки председателя).

Теодорович. Хотя вы дали уже все три звонка, я все-таки не сойду с трибуны, не процитировав вам Маркса и Энгельса. (М. Савельев. «Пожалуйста, в чем дело?»).

Мне нравится ваше поощрение, я вижу, что даже в президиуме я имею друзей. Итак, у кого же взять революционный опыт? Между прочим и у мелкобуржуазных масс! Поэтому тот, кто бы пожелал критиковать добросовестно мою статью, должен именно на это обратить внимание. В самом деле, товарищи, если опыт мелких производителей помог рабочему классу притти к идее социалистической революции вообще, то этот же опыт дал мелкому производителю возможность первым додуматься до идеи захвата власти как предпосылки социалистической революции. Это же исторический факт, от этого нельзя никак отговориться: именно мелкий товаропроизводитель, в частности у нас на русской почве,—в процессе борьбы пришел к заключению о необходимости захвата власти, чтобы «задушить буржуазию в самом зародыше», как сказали народовольцы.

Но, товарищи, дальше начинается уже разница, и конечно колossalная. Вдумайтесь в следующие слова Ленина: «Либо оценивать капитализм с точки зрения класса мелких производителей, разрушаемого капитализмом, либо—с точки зрения класса бесхозяйных производителей, создаваемого капитализмом. Середины тут нет» (т. II, с. 344).

Тут—гвоздь всей моей концепции. Я говорю: мелкий производитель, разрушаемый капитализмом, хочет столкнуть капитализм, но, так сказать, назад,—в смысле возврата к старому, фантастически сконструированному простому товарному производству. Бесхозяйный же производитель,—пролетарий,—тоже хочет столкнуть капитализм,—но в другую сторону,—вперед! Это—громаднейшее различие. Но вытекает ли из него, что надо отрицать опыт борьбы с капитализмом? Конечно нет. А только это я и говорю. После этого у меня идут прямые цитаты из народовольческих документов. Я бы хотел, чтобы мои оппоненты вышли на эту трибуну и сказали мне: «Вот вы цитируете из литературы народовольчества, но вы неверно то-то и то-то цитируете, или тс-то и то-то вы неверно понимаете у народовольцев». Никто этого не сделает. Не сделал этого сегодня и т. Невский. Он говорил мне: «Поразительно, что вы, т. Теодорович, их считаете крестьянскими социалистами, а вот Златопольский, вот Богданович—это типичнейшие политические радикалы и только». Товарищи, так полемизировать не годится. Ведь я сам пишу достаточно ясно:

Партия Народной Воли знала тоже два уклона—правый и левый. Недиференцированность общественных отношений и общественной мысли того времени привела к тому, что обнаружение этих уклонов замедлилось и они вскрылись много позднее. Основной слой жестоко страдавшего от развития капитализма мелкого товаропроизводителя имел два

фланга, левый и правый. На правом под влиянием перерастания азиатских форм капитализма в капитализм индустриальный образовывался постоянно, хотя и медленно, так называемый «товарный мужик». Этот «товарный мужик» и был почвой для «правого уклона» Народной Воли,—уклона в сторону политического радикализма, ибо «товарный мужик» нуждался очевидно не в социализме, хотя бы и утопическом, а в политической свободе как предпосылке упорядоченного капитализма (с. 49—50).

Вы видите, что сам я сказал во сто раз решительнее, чем т. Невский с его убогими примерами насчет Златопольского и Богдановича. Он мог бы добавить и Карапуза, и Николая Морозова, и целый ряд других типичных политических радикалов. Но ведь надо же понимать, что правое крыло народовольчества нельзя отождествлять с его коренным течением. Плеханов например, который является первоклассным знатоком партии Народной Воли, говорит: большинство народовольцев (вы сейчас узнаете колоритный плехановский жаргон!) принадлежало «к тихомировско-шанинскому согласию...». Пусть т. Невский прочтет плехановскую статью «Неудачная история партии Народной Воли и тогда он, во-первых, перестанет быть мне челом моим же добром, только чрезвычайно ухудшенным, и, во-вторых, поймет, что надо же отличать фланги народовольчества от его коренной струи.

Теперь мне остается только процитировать, как наши учителя—Маркс, Энгельс и Ленин—оценивали утопический социализм, показать вам, что они о нем говорили. Признавали ли они за ним какие-нибудь заслуги? Или они стояли на точке зрения товарища Малаховского, который поучал меня: «Вы умаляете заслуги большевизма». Чем? Не тем ли, что считаю Народную Волю течением утопического социализма? Я говорил, что утопический социализм—это социализм «кустаря», который хочет вернуться назад к простому товарному производству. Я разъяснил, что такой социализм—реакционен. Когда-то ставили вопрос, почему эсеры называют себя социалистами-революционерами. Ленин это очень остроумно объяснил. Он говорил: поскольку они социалисты, они—реакционеры, а поскольку они революционеры, поскольку они не социалисты.

Теперь, товарищи, спустимся в склад, если не цемента, то коммунистической мысли. Посмотрим, что о таком реакционном, в известном смысле утопическом социализме говорит Энгельс в «Анти-Дюринге» на с. 243: «Утопическая сторона социалистических теорий теперь уже отошла в область истории, и мы не будем останавливаться на ней ни минуты долее, предоставив литературным лавочникам à la Дюринг самодовольно перетряхивать эти смешные фантазии.... Мы (я просил бы вас каждое слово записывать: ведь это же истинно-золотые слова—Ив. Т.) гораздо охотнее постараемся найти под фантастическим покровом зародыши гениальных идей, всюду разбросанные в теориях великих утопистов, но не заметные для слепых филистеров». Вдумайтесь, вслушайтесь, вчитайтесь в эти величественные слова: «Зародыши гениальных идей». Вдумайтесь, вслушайтесь, вчитайтесь в эти убийственные слова: «Слепые филистеры», «литературные лавочки». Говорю по совести: я не допускал мысли, что среди большевиков, штурмующих небо, найдутся «филистеры» и «лавочки», которые закричат об умалении заслуг ленинизма, когда услышат, что ленинизм развил в законченную пролетарскую систему зародыши гениальных идей, встречающиеся у утопистов. А я употреблял именно это слово: зародыши.

Я хотел в своей статье научить молодежь умению ценить заслуги старых революционеров. Я нахожу, что прав, совершенно прав поэт, сказавший по нашему адресу: «Верь в свет иной! Иным мечом борись! Но кто стезей страданий и печали шел до тебя, пред теми преклонись!» Этому я хотел научить нашу молодежь в своей статье.

Теперь обратимся еще к одному центральному документу нашей мысли,—к «Коммунистическому манифесту». Посмотрим, как он относится, с одной стороны, к критически-утопическому социализму, а с другой, к социализму мелкобуржуазному, мещанскому. Начнем с того, что пишет «Коммунистический манифест» даже не о критически-утопическом, а о гораздо ниже им расцениваемом мещанском социализме, близком не к социализму народовольцев, а к «социализму» эпигонов народничества. Но прежде вспомним, что Ленин писал об эпигонах: «Сравнивая доктрину Сисмонди с народничеством, мы видим по всем почти пунктам поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выражений. Экономисты-народники стоят целиком на точке зрения Сисмонди» (т. II, с. 219). Итак, теперь посмотрим, что же писал Маркс о Сисмонди, т. е. косвенно и о наших эпигонах. «Так возник,—говорит он,—мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии. Этот социализм прекрасно (NB—Ив. Т.) умел подметить противоречия современных условий производства. Он разоблачил мишурные прикрасы экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машин и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства (NB. обратите кстати внимание, что здесь не отождествляются мелкая буржуазия и крестьянство—Ив. Т.), нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие неправильности в распределении богатства, разорительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений, старых национальностей» («Коммунистический манифест», изд. 1923 г. с. 92).

Товарищи, вы знаете, что имеются такие анархисты (т. Татаров,—говорю между нами,—не самые умные из анархистов),—которые заявляют, что Маркс—плагиатор. Ни более, ни менее. Но нам-то разве придется в голову обвинять Маркса в умалении заслуг Маркса, поскольку он перечисляет здесь как установленные мелкобуржуазным социализмом зародыши почти всех основных идей, которые он потом развил? Конечно нет. Ведь дело заключается в том, что, как говорил об этом Ленин, как говорится об этом в моей статье, мы можем брать опыт прежних движений, в данном случае опыт Народной Воли, но его следует переработать, критически видоизменить, синтезировать! Только это я хотел сказать (Ц. Фридлянд: «Только это?»). Да, только это и ничего больше.

Теперь, товарищи, посмотрим, что же говорят наши учителя не о мещанском, а о критически-утопическом социализме. За недостатком места я не буду цитировать того параграфа «Коммунистического манифеста», который говорит о критически-утопическом социализме и коммунизме. Отсылаю вас к подлиннику. Скажу только, что Маркс и Энгельс говорят неизмеримо резче и больше, чем говорю я: они говорят об этом социализме, как о «революционной литературе», сопутствовавшей «первым движениям пролетариата» (с. 98). Позднее Энгельс говорил уже не о пролетариате, а о предпролетариате. Я же говорю вслед за Лениным гораздо осторожней: о «мелких производителях» и отчасти о «предпролетариате», т. е. о «пролетарии-отце».

В 1897 г. Ленин писал о критических утопистах: «Указанные писатели предвосхищали (NB. Обратите внимание на это слово: за него на меня обрушились горе-оппоненты!—Ив. Т.) будущее, гениально (NB.—Ив. Т.) угадывали тенденции той ломки, которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия» (т. II, с. 257).

Через пять лет, в 1902 году, Ленин с полнейшим солидаризированием цитирует следующие слова Энгельса: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна,—трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили (NB!!!—Ив. Т.) бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно (т. V, с. 137). Обратите внимание на полное совпадение у Энгельса и Ленина даже отдельных выражений: «Гениальные предвосхищения» и т. д. Но скажите, придет ли кому-нибудь из сидящих здесь в голову обвинять Ленина в умалении заслуг научного социализма за то, что он нашел у утопистов зародыши многих основных идей марксизма? Только комханжи, только комфилистеры способны были бы на это! Но ведь я сказал не больше того, что говорил Ленин: я прошу найти у меня хотя бы одно место, где бы я сказал что-нибудь большее, чем эта мысль.

Товарищи, все это докажет дальнейшая полемика, но только не надо передержек и подтасовок. Если я действительно ошибся, то критикуйте настоящие ошибки, а не изобретенные. Татаров например сделал не меньше 25 литературных.. искажений, чтобы не сказать остree и резче. Но когда выйдет моя брошюра, все увидят его портрет в натуральную величину: он сам найдет его безобразным. Как это ни противно, но я должен выступить на борьбу с падением литературных нравов: нельзя этого больше терпеть!

В заключение позвольте кончить шуткой. У Шарля де-Костера в его «Легенде об Уленшпигеле» рассказывается, как спорили два еврея. Один сидел на четвертом этаже, а другой кричал ему снизу: «Эй, сойди сюда, я тебя так тресну по башке, что она у тебя провалится в грудную клетку и ты будешь смотреть сквозь ребра, как арестанты сквозь тюремную решетку». И. Татаров, выступавший против меня, написал, что в недалеком будущем вы все будете наслаждаться великколепным зрелищем, как т. Теодорович будет корчиться на острие пики М. Н. Покровского. У Татарова плохое воображение и недостаточно красочный язык. В этом смысле он далеко уступает своему средневековому духовному «предтече» (извиняюсь перед Фридляндом за плагиат). Иначе Татаров бы добавил после слов: будет корчиться,—слова: «в неописуемых муках». Это было бы... покрепче! Но, товарищи, другой еврей ответил первому хитро. Он сказал так: «Обещай ты мне и в сто раз больше колотушек, я и то не сойду». А я, товарищи, сошел к вам вниз: ибо я не боюсь ни пики пикадора, ни тряпки матадора. Я пришел, чтобы сказать, что великие наши учителя—Маркс, Энгельс и Ленин,—учили нас уважать чужой опыт, конечно не слепо ему следя, а критически его перерабатывая. Вы уже слышали, что даже Толстого в частности Ленин находил способным в известные моменты, в известной обстановке просвещать передовые классы. Если в результате нашей дискуссии получится такое трезвое понимание, такая справедливая оценка утопизма, я буду считать свое дело сделанным.

СОДОКЛАД И. ТАТАРОВА.

Вопрос о «Народной Воле» следует поставить—и это будет вполне правильно—в двух разрезах. Во-первых, надо выяснить, что собою представляла «Народная Воля», и определить ее классовую сущность. Во-вторых, что из «Народной Воли» вошло в арсенал нашей партии, что является «наследством» народовольцев, что мы переняли у них. Мы должны рассмотреть этот вопрос, который Ленин поставил в своей самой ранней работе, в работе, посвященной борьбе с народничеством: «Как следует отнести рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам»¹.

В дискуссии помимо чисто-исторического разбора нам крайне важно подчеркнуть и момент политический.

Проблема отношения к крестьянству, ко всем течениям внутри крестьянства, к политическим программам, рождающимся в крестьянстве, это—проблема, которая не сходит с порядка дня всех наших революций. И совершенно понятно, что этот же вопрос мы должны поставить в историческом освещении «Народной Воли».

Когда говорят о «Народной Воле», надо прежде всего ответить на следующий вопрос: о каком периоде в истории «Народной Воли» должна итти речь, какую «Народную Волю» надо иметь в виду? «Народная Воля» складывается уже в недрах «Земли и Воли». Было бы близорукостью не видеть того, что «Народная Воля» уже в значительной степени в 78-м году, фактически складывается внутри «Земли и Воли». Она еще пока организационно не оформилась, но народовольческие тенденции уже побеждают, они становятся основными в кружках «Земли и Воли». И заслуга М. Н. Покровского заключается именно в том, что он подметил это обстоятельство, что «Народная Воля» существует уже в недрах «Земли и Воли». «Народная Воля» не прекращает своего существования после 1 марта. Мы знаем и такую яркую попытку, мимо которой историку никак нельзя пройти, как попытку создания Молодой партии «Народной Воли». Следует отметить и такое явление, чрезвычайно важное в дальнейшей эволюции народовольчества, как, например, кружок так называемого второго «1 марта»,—кружок А. И. Ульянова, Шевырева, Генералова. Наконец, в 90-х годах организуется партия «Народного права», которую Ленин характеризует, как прямое и логическое продолжение народовольчества.

Так вот, о какой «Народной Воле», о каких этапах в народовольчестве мы говорим? Мы должны в центре нашего внимания поставить народовольцев эпохи 1 марта. Исторически отграничивая от последующих этапов, мы не опускаем, мы не выбрасываем позднейшее народовольчество. Мы рассматриваем народовольческие идеи в их развитии, в их эволюции, но основным моментом, нас интересующим, является эпоха 1 марта. Именно, Ленин, рассматривая народовольчество 1 марта как отправной пункт, не изолирует его от всего народовольческого движения. Как он изображает весь процесс развития народовольчества? «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, с. 184, изд. 2.

коммунистических инстинктах мужика. Решено было впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве,—и вся работа была направлена на борьбу с правительством,—борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкающие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма, что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория видимо утрачивает всякий кредит, и борьба народовольцев с правительством становится борьбой радикалов за политическую свободу»².

Изучая каждый этап в народовольчестве, изучая всю эволюцию народовольчества, мы не должны отрывать революционного народничества от народничества в целом, от народничества как огромного движения определенного класса, который видоизменялся, развивался, эволюционировал и т. д. Эту мысль Ленин подчеркивает в «Что такое друзья народа», когда он подводит уже итоги полемики с либеральными народниками. Я считаю, что решающей цитатой в нашем споре является следующая:

«Прошу заметить,— пишет Ленин,— что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями народа» и не с их идеями (разрядка моя—*И. Т.*), потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа»—только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. Если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма *вообще*³, то это только потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистической программы. Могут сказать, что это—вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше общим и основным положениям старого русского социализма»⁴.

Повторяю, товарищи, это—решающее место!

Из этой точки зрения следует исходить при рассмотрении народовольчества как определенного этапа в общем развитии всего народнического движения.

Изучая историю народовольческого движения, мы анализируем его программу, тактику, организацию. Совершенно понятно, что всякий марксист меньше всего доверяет тому, что народовольцы говорят сами о себе. Мы всегда имеем дело с классовым анализом, и прежде всего нужно изучить те социально политические причины, которые породили данное движение в его конкретном развитии. Мы, конечно, обязаны «выслушать»

² Ленин, Собр. соч. т. I, с. 175, 2-е изд.

³ Разрядка моя; курсив Ленина—*И. Т.*.

⁴ Ленин, Собр. соч., т. I, с. 183, 2-е изд. (Разрядка моя—*И. Т.*).

все, что говорят сами народовольцы. У т. Теодоровича вся его статья и все его доводы построены на наивной вере. Он верит их каждому слову, всему, что говорят народовольцы о себе. Приведу пример. Что представляет собой «Народная Воля»—группу, кучку, крепко сплоченную небольшую организацию или такую организацию, которая опирается на массы, которая стремится к массам, которая является партией, ориентирующейся на массы, массовой партией? Тов. Теодорович приводит массу цитат о том, что «Народная Воля» ориентируется на массы. Для доказательства он ссылается на «Программу», на «Вестник „Народной воли“» и т. д. Но вот что мы читаем по поводу программы у одного из авторов ее, да еще в таком авторитетном документе, как «Подготовительная работа партии»:

«Что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

Веря всякому слову народовольцев, т. Теодорович даже не пытается сопоставить одни показания с другими, не противопоставляет одни высказывания другим, произвольно вырывает отдельные места. Как он это делает, об этом говорил т. Невский.

Еще одно замечание относительно позиции т. Теодоровича. Сегодня он подтвердил своим выступлением, что он не стоит на марксистской точке зрения. Он сводит общественные процессы к естественным процессам. Вот что пишет т. Теодорович: «Классификация различных школ, течений, направлений утопического социализма представляет значительные трудности, как впрочем классификация в любой отрасли знания. Ботаникам, например, известно, как трудно определять многочисленные виды ивы (вербы). Там и здесь трудность обусловливается чрезвычайной легкостью образования помесей. Гибридные формы в области идей столь же часто встречаются, как гибриды в мире животных и растений. Классификация, предлагаемая нами, построена на комбинировании двух признаков»⁵.

И дальше идут эти признаки классификации, из которых явственно следует, что он вместо классового анализа становится на точку зрения «биологизма».

Обратимся к классовой характеристике народовольчества 70—80-х годов. Развитие капитализма создало такие отношения, при которых началось разложение крестьянства. Это разложение крестьянства еще не определилось в достаточной мере, еще не выявилось окончательно, оно еще не проявляет открыто мелкобуржуазных тенденций. Эти тенденции в крестьянстве еще не прощупываются, но они существуют, они проникали внутрь общины, внутрь крестьянского хозяйства и т. д. Развивающийся капитализм наталкивается на многочисленные остатки крепостничества. Крепостнические остатки—вот гвоздь борьбы, которая завязывается с нарождением и развитием капитализма. И вот на этой-то почве возникают определенные отношения класса мелких товаропроизводителей. А как т. Теодорович изображает дело? Он сегодня здесь говорил, что мелкий производитель—это натуральное хозяйство, а что мелкий товаропроизводитель—это денежное хозяйство. Идет борьба между денежным и натуральным хозяйством.

Мелкий товаропроизводитель обладает всеми чертами, присущими денежному хозяйству. Но это мы видим-де в достаточной степени только

⁵ «Каторга и ссылка» № 8-9, ст. 25).

к 90-м годам. Поэтому, утверждает т. Теодорович, народовольцы были утопическими социалистами, они были идеологами мелкого производителя, а народники в 90-х годах представляли идеологию мелких товаропроизводителей. Я утверждаю, что такая точка зрения есть не что иное, как неправильная оценка мелких товаропроизводителей, идеализация мелкого производителя. Это—неправильная оценка той реальной действительности, которая имела место в 70-х годах.

Тов. Теодорович: Значит, не было натурального хозяйства?

Тов. Татаров: Я говорю о том, что у нас борьба шла по другой линии. Шла борьба нарождающегося капитализма, развивающегося капитализма с остатками крепостничества. А вы путаете эту проблему, ставя вопрос о натуральных отношениях и денежных отношениях. И совершенно понятно отсюда, что основная проблема—борьба капитализма с крепостничеством—совсем исчезает из вашего поля зрения.

Итак, по Теодоровичу существует в эпоху «Народной Воли» мелкий производитель, ничего общего с капитализмом не имеющий, а потом мелкий товаропроизводитель, который является социальной основой народничества 90-х годов. Однако иногда он сбивается с этой позиции и говорит и о мелком производителе и о товаропроизводителе.

Теперь относительно последнего положения т. Теодоровича.. Так как время уже позднее и настроение такое, что большинство спешит и хочет расходиться, то мне поневоле придется сократиться и мне не придется коснуться истории самой «Народной Воли»—отчасти я это делаю в тезисах *. Я затрону тогда вопрос о том, что мы берем от «Народной Воли». Тов. Теодорович считает, что «Народная воля»—это организация, которая опиралась то на мелких производителей, то на товаропроизводителей и на пролетариат. Его основное положение, которое он развивает, заключается в том, что пролетариат настолько близок к мелкому товаропроизводителю, что смазывается грань, их разделяющая. Это сказалось в смазывании различия идеологии пролетариата и мелкого товаропроизводителя.

Что же пролетариат берет от «Народной Воли»? Вот, что пишет по этому поводу т. Теодорович:

«Для социалистической революции, совершенной рабочими под руководством большевиков в октябре 1917 г., характерной является следующая установка. Надо, взявши власть, во-первых, разбить старую государственную машину; во вторых, на развалинах буржуазной формы государства создать новый его тип—«государство Советов»; в-третьих, воспользоваться новым типом государства для того, чтобы начать выращивать элементы социалистической экономики и, наконец, в-четвертых, установить, что этот процесс взращивания предполагает существование, более или менее продолжительное, так называемого «переходного периода». (К этому абзацу следует примечание: «Нужно помнить, что, по учению Ленина, в переходный период действует особая форма государства—диктатура пролетариата»). Внимательное изучение народовольческих документов, продолжает т. Теодорович, приводит нас к констатированию того факта, что в результате своего (разрядка т. Теодоровича—*И. Т.*) богатого политического опыта идеологи мелкого товарного производителя

* Ред. Тезисы тов. Татарова, одобренные секцией истории ВКП(б) и ленинизма О-ва историков-марксистов и принятые в основном Культпропом ЦКВКП(б), опубликованы 9 апреля в «Правде».

уже нащупывали, в одних случаев — более, в других — менее ясно, все вышеперечисленные четыре момента»⁶.

Эта — основная мысль т. Теодоровича. Он считает, что все моменты, характеризующие советскую власть, характеризующие у нас диктатуру пролетариата, строящийся социализм, — все эти моменты мы имеем в произведениях «Народной Воли». Иначе говоря, вся наша позиция, вся наша теория, ленинизм — все это лишь продолжение и развитие программных, теоретических и тактических позиций «Народной Воли». Это основная установка т. Теодоровича, но это глубоко неверная установка. Почему неверная? Что мы действительно взяли от «Народной Воли»? Мы взяли «от Народной Воли» главное, что ее характеризует — борьбу с самодержавием. «Народная Воля» была организацией, которая ставила своей главной задачей борьбу с самодержавием, которая практически занималась именно этой стороной и внимание всего народнического движения привлекала к этой стороне борьбы, к борьбе с самодержавием.

«Народная Воля» создала крепкую дисциплинированную, законспирированную организацию. Правда, эта организация в большей своей мере уже была предвосхищена «Землей и Волей», но «Народная Воля» в наиболее законченной форме создала такую организацию.

Мы переняли и эту сторону.

Наконец, третий момент — «Народная Воля» действительно показала тип революционера, который потом перешел к нам. И это — одна из основ наследства «Народной Воли». Все наследство народовольчества было большевизмом переработано, поставлено с головы на ноги.

Теперь, что собой представляет социализм «Народной Воли»? Тов. Теодорович не понимает одного, что социализм революционного народничества, социализм народовольцев с неизбежностью вел их к перерождению в мелкобуржуазных радикалов. Для социализма народовольчества характерно вовсе не то, что ему приписывает т. Теодорович. Тов. Теодорович считает, что Маркса сближала с народовольцами идея единого планового начала. На самом деле основоположники научного социализма, Маркс и Энгельс, видели в «Народной Воле» ту организацию, которая сумеет сломить, опрокинуть самодержавие. Энгельс, подводя итог всему тому, что было сказано Марксом и им о «Народной Воле», пишет, говоря об эпохе быстрого роста социализма во всех европейских странах:

«В общем движении приняла участие и Россия. Здесь, как и следовало ожидать, движение это приняло форму решительной борьбы против царского деспотизма с целью завоевания свободы для духовного и политического развития нации. Вера в чудодейственную силу общинного землевладения, из недр которого будто бы может и должно явиться социальное перерождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских борцов. Их было несколько сот человек, но своей самоотверженностью и отвагой они довели царский абсолютизм до того, что он уже принужден был подумывать о возможности и об условиях капитуляции. Таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой народ избранным народом социальной революции. Но это вовсе не обязывает нас разделить их иллюзию»⁷.

⁶ «Каторга и ссылка», № 89, стр. 36.

⁷ Энгельс, Статьи 1871—1875 гг., П. 1919, с. 85. (Разрядка моя — И. Т.).

Энгельс видел в народовольцах революционных борцов против самодержавия.

Ошибка, которую совершил Плеханов, ошибка, которую совершали все меньшевики, заключалась в том, что они не понимали революционно-демократического движения крестьянства. Они не понимали того основного революционирующего значения, какое имело выступление народничества в целом. Вот что пишет Ленин: «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского», против капитализма прусского. Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудодела»...⁸.

Но совершенно напрасно т. Теодорович приписывает такую же точно мысль М. Н. Покровскому. Прежде всего, если говорить об ошибке, то в ней повинен и сам Теодорович. И. Теодорович указывает, что в «Русской истории в самом сжатом очерке» Мих. Ник. делает народовольцев «освобожденцами». Это же и в «Очерках русского революционного движения». «Одно крыло революционеров, — цитирует Покровского Теодорович, — ... взяло курс на рабочий класс... Другое крыло, во главе которого стоял Желябов, взяло курс на буржуазию». Такая оценка, конечно, не противоречит цитате из «Русской истории» 1929 г. (1929 год! — ну и приемчик! И. Т.).

Эту мысль он ставит в вину Покровскому. Что же пишет сам т. Теодорович? Я приведу одно место не из его статьи, а из предисловия к книжке Русанова «В эмиграции». Сопоставьте это с тем, что он говорил сегодня о политрадикалах. В этом предисловии он пишет следующее: «Еще и раньше было известно, что, например, история «Народной Воли» являлась в сущности союзом трех течений: во-первых, политического радикализма, хватающегося за терроризм, как наиболее сильное из средств, имеющихся — за отсутствием масс — в его распоряжении; во-вторых, бланкизма, идеологии левого крыла товаропроизводителя, мечтающего о захвате политической власти для свержения капиталистической системы производства; и, в-третьих, зародышевого, еще не самоутвердившегося социал-демократизма».⁹.

Как можно после этого обвинять Покровского? Тут вы имеете у Теодоровича, правда, не два течения, а три. У него вы находите тоже «политрадикалов», вы находите и зародыш социал-демократии. После этого можно утверждать, что и т. Теодорович стоит на точке зрения Плеханова. М. Н. Покровский не стоит на точке зрения Плеханова. Основное в том, что написал Покровский — это то, что он показывает место «Народной Воли» — между либерализмом и рабочим движением. И это совершенно правильно. «Народная Воля» не понимала классовых различий между движением буржуазии и между движением крестьянства. Но она жестоко критиковала либералов. Она жестоко восставала против нерешительности, дряблости, против того, что либералы осуждали их революционную тактику.

⁸ Ленин. Собр. соч., т. XX, ч. 1, с. 315, изд. 1-е.

⁹ Н. Русанов, «В эмиграции», М. 1929. Предисловие Теодоровича, с. 11.

В социализме народовольчества, как и во всем народничестве, конечно нет ни грана социализма. И главная ошибка т. Теодоровича в том, что он приближает, — не отождествляет, это было бы совсем уже нелепостью, а приближает, — утопический социализм народовольцев к социализму пролетарскому. Можно привести для доказательства и то место из его статьи, в котором он ясно говорит о том, что диктатура пролетариата, основные ее моменты в зародыше были уже предвосхищены народовольцами, что корни диктатуры пролетариата нужно искать в народовольчестве. Утверждая это, т. Теодорович совершает серьезную ошибку, потому что наше наследство мы воспринимали иначе, чем предполагает т. Теодорович.

Если вы возьмете тот вопрос, по которому расходилась «Народная Воля» с зарождающейся группой марксистов, возьмем переговоры и споры, имевшие место в 1882 г., с будущими основателями группы «Освобождение Труда», то вы увидите, что раскол был на почве понимания проблем взаимоотношения социализма и политической борьбы. Именно социализм и политическая борьба, т.-е. иначе говоря, отношения к пролетариату, готовому бороться за социализм, готовому в борьбе опрокинуть самодержавие, именно этот вопрос развел «Народную Волю» с будущими основателями группы «Освобождение Труда». Вопрос о социализме и политической борьбе не был решен «Народной Волей». Но этот вопрос ставился рабочим движением, зарождающимся рабочим движением 70-х годов. А т. Теодорович не заметил, что линия развития, сочетание социализма и рабочего движения у нас шли иначе, чем он представляет себе. В 70-х годах первые рабочие организации, нарождающееся рабочее движение ставит этот вопрос, но оно его еще не разрешает, теоретически его впервые разрешает группа «Освобождение Труда», а наполняет содержанием наша партия. И естественно, что эта линия, которую мы проводим, показывает, что ничего общего социализм пролетариата, — ничего общего, а не только схожего, или приближающегося, не говоря уже тождественного, — социализм пролетарский не имеет с «утопическим социализмом» народовольцев.

Тов. Теодорович, поскольку он совершает явную ревизию ленинского представления о наследстве, вместе с тем должен изменить и социальную базу народовольчества. И не случайно он выводит «пролетария-отца» как основу народовольчества, не случайно он должен видоизменить классовую основу народовольчества и этим самым полностью отказаться от ленинской постановки вопроса о том, что представляет собой революционное народовольчество.

В заключение я хочу остановиться только на одном моменте. Как характеризует Ленин народничество XX в.—народническое движение в Китае?

Бот что Ленин пишет о сунъятсенизме в 1912 г.:

«Китайская демократия не могла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного и революционного подъема масс... А в Европе и Америке, от которой передовые китайцы, все китайцы, поскольку они переживали этот подъем, заимствовали свои освободительные идеи, на очереди стоит уже освобождение от буржуазии, т. е. социализм. Отсюда неизбежно возникает сочувствие китайских демократов социализму, их субъективный социализм.

Они субъективно социалисты, потому что они против угнетения и эксплоатации масс. Но объективные условия Китая, отсталой земле-

дельческой, полуфеодальной страны, ставят на очередь дня в жизни чуть не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически-своеобразный вид этого угнетения и этой эксплоатации, именно феодализм...

И вот оказывается, что из субъективно-социалистических дум и программ китайского демократа на деле получается.. программа уничтожения одной только феодальной эксплоатации.

В этом суть народничества Сун-Ят-Сена, его прогрессивной, боевой, революционной программы буржуазно-демократических аграрных преобразований и его, якобы, социалистической теории»¹⁰.

То же самое можно сказать и по отношению к Народной Воле. «Субъективный социализм» Народной Воли выражал революционный протест против крепостнических остатков, против всего того, что мешало развитию, как Ленин называет, американского пути развития капитализма, «демократического» капитализма, как он говорит. Это бесспорно. А т. Теодоровичу повидимому это непонятно. Он не понимает отношений мелких товаропроизводителей к капитализму, и поэтому он сближает социализм мелких производителей с социализмом пролетариата, не видя того, как мелкий товаропроизводитель на определенной ступени развития капитализма внутри себя лишь скрывает от внешнего мира мелкобуржуазную сущность, а потом ее выявляет. Это и есть идеализация мелких товаропроизводителей. А в наших условиях идеализация мелких товаропроизводителей есть не что иное, как воскрешение народничества. Вот почему мы т. Теодоровича обвиняем в том, что он воскрешает народничество.

ПРЕНИЯ

Э. Генкина в начале своего выступления констатирует, что заслушанные три доклада о «Н.В.» выражают три совершенно различных точки зрения на вопрос. Это обязывает участников дискуссии прежде всего обратить внимание на методологическую сторону проблемы народничества, на самую постановку изучения «Н.В.».

Доклад т. Теодоровича представляет собой замаскированное отступление от тех позиций, которые он защищал в своей статье, но и это отступление не делает данную в докладе оценку «Н.В.» правильной. Противоположная точка зрения т. Невского так же неприемлема. Яснее всего она изложена в его статье «О группе освобождения труда» в «Революционном сборнике». Дифференциацию народничества на отдельные группы и течения т. Невский справедливо связывает с борьбой классов и классовой дифференциаций 70-х и 80-х годов. Но совершенно неверно его утверждение, что через народовольчество либеральное течение народников эволюционировало к кадетам, а через «Черный передел» «левые» шли к социал-демократии. В своем докладе Невский опять сосредоточил главное внимание на эволюции «Н.В.» к либерализму и совершенно затушевал преобладающее среди народовольцев революционно-демократическое течение. Другая его ошибка—в отождествлении ленинской и Плехановской оценок «Н.В.». Особенно бросается в глаза неверность его утверждения, будто Ленин и Плеханов были согласны в оценке народничества, но расходились лишь во взглядах на крестьянское движение. Такой разрыв в

¹⁰ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1, с. 347, 1-е изд.

оценке народничества и крестьянского движения для марксиста методологически невозможен. Напротив, Ленин подчеркивал связь между тем и другим. В своем письме к Степанову-Скворцову он прямо пишет, что «отсюда (т. е. из неверной оценки народничества) вытекает и идиотская ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно».

Для того, чтобы методологически правильно подойти к критике взглядов т. Теодоровича, следует воспользоваться его советом—обратиться к ленинской постановке вопроса о «Н.В.». У Ленина на этот счет можно найти пять основных указаний:

1) четкая классовая характеристика народничества, как определенного движения, взятого в целом, в отвлечении от отдельных этапов его развития. Вот эта характеристика: «Народничество есть идеология, есть движение крестьянской демократии в России»;

2) методологическое указание, как следует подходить к изучению отдельных этапов народничества в связи с развитием крестьянского движения в России. Здесь основным является ленинское разграничение между крестьянским и мещанским социализмом;

3) характеристика сущности народнической идеологии, как двух протестов: против капитализма, с одной стороны, и против крепостничества—с другой. Поэтому ленинская оценка Чернышевского, как одновременно утопического социалиста и крестьянского демократа, может быть вполне перенесена на народничество в целом. Такой двойной протест против капитализма и крепостничества был характерен и для самого крестьянского движения, происходившего в сложной и противоречивой обстановке преформенной России;

4) решение вопроса о наследстве «Н.В.» в том смысле, что для революц. социал-демократии ценен не только утопический социализм народовольцев, сколько опыт их революционно-демократической борьбы; и наконец,—

•5) предостережение как против эсеровской переоценки крестьянского движения, так и против меньшевистского пренебрежения им, а отсюда и правильная постановка вопроса о «Н.В.», чуждая в равной степени и недооценке «Н.В.», и опрометчивому стиранию границ между мелкобуржуазным и рабочим социализмом.

Тов. Теодорович не оспоривает этих положений Ленина, но его собственные построения решительно противоречат им.

В своем докладе т. Теодорович, в согласии с Лениным, определяет «крестьянский социализм» «Н. В.» как идеологию мелкого производителя, не превратившего еще в мелкого буржуа,—т. е. крестьянина до-капиталистической формации. Между тем в своей статье т. Теодорович доказывает, что революционное народничество отражало интересы разоряемого капиталом, истекающего кровью товаропроизводителя—пролетария-отца. Тов. Теодорович наметил исторически развертывающуюся цепь явлений: мелкий производитель—мелкий товаропроизводитель—разорявший товаропроизводитель—пролетарий-отец—пролетарий-сын,—и, увлекаемый своим темпераментом, провел идеологию «Н. В.» по всем этим ступеням от утопического крестьянского социализма почти вплоть до пролетарского научного социализма. Вопрос о подлинной классовой опоре «Н.В.» оказался таким образом совершенно смазанным. Тов. Теодорович должен прямо сказать, считает ли он народовольчество переходом к пролетарскому социализму?

В вопросе о периодизации народничества существенно указание Ленина, что теоретические ошибки революционных народников

оправдываются тем, что в их переходное время расслоение крестьянства еще очень слабо обозначалось, между тем как в 90-х годах эпигоны народовольчества сознательно игнорировали очевидные факты разложения общины, превращения крестьянина в мелкого буржуа и пр. Это различие ускользает в определении т. Теодоровичем народовольчества, как идеологии крестьянства, не превратившегося в мелкую буржуазию.

Ленин признавал борьбу народников против капитализма реакционной и соответствующим образом оценивал их социализм, как «социалистическую фразу», в которой «на самом деле ничего социалистического нет»; прогрессивной стороной их деятельности он считал борьбу с феодализмом, крепостничеством. Наоборот, т. Теодорович гораздо больше привлекает социалистическая доктрина «Н.В.», чем объективно-революционное содержание народовольческого движения. В результате, желая всячески подчеркнуть заслуги «Н.В.», Теодорович на деле сводит ее значение к тому, что она как идеолог мелкого товаропроизводителя «протестует против капитализма и тянет назад» в противоположность пролетарскому социализму, который «тянет вперед». Таким образом показана реакционная сторона «Н.В.» и затушеваны ее революционные заслуги в борьбе за фермерский путь развития России. Ленин, говоря о том, что «Н.В.» стремилась к «крестьянской социалистической революции», вовсе не думал, подобно Теодоровичу, что такая революция возможна; в его глазах борьба база такую «социалистическую революцию» была «объективно» борьбой «за крестьянско-буржуазную революцию».

В своем стремлении стереть грани между народовольческой революционной тактикой и тактикой рабочей революции т. Теодорович дошел до прямого искажения текста «Н.В.», неполного и одностороннего цитирования. Он пытался доказать, что «Н.В.» не мыслила политического переворота вне массового революционного движения. Между тем беспристрастное чтение «Н.В.» позволяет говорить лишь о своеобразной теории «совпадения» захвата власти заговорщиками с социальным переворотом. Но при этом народовольцы всегда оставляли за собой «почин», ожидая лишь, что «потом, возможно, народные массы поддержат...». Ждать же массового движения и агитировать за него среди крестьян они считали ненужным. Дальше у т. Теодоровича идут бесчисленные сближения между народничеством и ленинизмом, из которых самым невероятным является сближение ленинского учения о партии (проблемы стихийности и сознательности) с субъективной социологией Лаврова.

Признавая необходимость учиться на опыте старых поколений революционеров, надо решительно отвергнуть мысль, что можно учиться у народовольцев ленинизму.

В. Малаховский. Участники настоящей дискуссии не могутставить перед собой задачу ответить исчерпывающе на все вопросы истории «Н.В.»; хорошо, если они смогут дать только оценку исторического значения народовольчества. Эта задача тем труднее, что один из докладчиков—т. Невский—просто уклонился от такой оценки «Н.В.», другой же—т. Теодорович—дал оценку путанную и неправильную.

Тов. Невский, защищая М. Н. Покровского от нападок Теодоровича, напрасно старавшегося навязать Мих. Николаевичу взгляд на народовольцев, как на либералов, на самом деле развел не концепцию Покровского, а свою собственную, действительно близкую к тому, что Теодорович хотел найти в «Сжатом очерке русской истории» и в «Оч. революц. движения». Докладчик собрал массу цитат, где имеется хотя бы малейший намек на либеральную природу «Н.В.», на ее пренебрежение массами, на буржуазный

характер ее исторических построений и т. п. Но ведь и Плеханов разделял буржуазные представления о русском историческом процессе, однако не был либералом. С другой стороны, во всей литературе «Н.В.» мы найдем в изобилии рассуждения о необходимости участия масс в захвате власти и экономическом перевороте. При той постановке вопроса, которая дана докладчиком и которая по существу совпадает с карикатурой, написанной Теодоровичем на концепцию Покровского, вывод о «заслугах» «Н.В.» оказывается совершенно необоснованным. В области организационно-партийной и в пропаганде среди рабочих народовольцы, вопреки мнению т. Невского, ничего принципиально нового по сравнению с «Землей и Волей» не создали. Характеризует «Н.В.» не это, а ее политическая борьба против самодержавия, террор. Как же относиться к этой основной стороне ее деятельности? На такой вопрос у т. Невского нет ответа. Уклоняясь от прямого ответа, докладчик подробно говорит о Якубовиче, трактуя его чуть ли не как предтечу марксизма, хотя Якубович вовсе не случайно оказался в «Русском Богатстве» на самом правом фланге народничества.

Другая ошибка т. Невского состоит в полном отождествлении взглядов Ленина и Плеханова на народничество. Докладчик не замечает, что приведенные им цитаты из Плеханова не характерны и вовсе не определяют подлинной плехановской оценки «Н.В.». Ленин, говоря о «квасном патриотизме» народников, отнюдь не хотел этими словами охарактеризовать сущность народничества; напротив, он указывал, что лучшими представителями последнего были западники: Михайловский, Лавров, Чернышевский. Наконец, т. Невский не учитывает того, что ленинская оценка революционной роли крестьянства, противоположная плехановской, тесно примыкает к анализу социальной сущности народничества и из него прямо вытекает.

Плеханов правильно выводил идеологию народовольчества из системы народнических взглядов, находил в «Н.В.» старую теоретическую основу: несколько подновленные идеи Бакунина и Ткачева. Но ему каегалось, что «Н.В.», вынужденная ходом событий начать политическую борьбу, должна будет неизбежно пересмотреть, в согласии с новой тактикой, свою старую народническую теорию и таким образом приблизиться к марксизму. Он исходил при этом из неверного положения, что практика народовольчества несовместима с теорией народничества, противоречит ей. Это кажущееся противоречие было для него неразрешимо, так как он не понял социальной сущности народничества, а народническую идеологию рассматривал как продолжение славянофильства. Между тем уже народники, отрицавшие политическую борьбу, фактически вели борьбу именно с русским самодержавием, а не с государством вообще.

Ленин, представлявший дальний этап развития марксизма (эпохи империализма), уже не ограничивался плехановской критикой народничества, а связал это направление с определенными социальными слоями и всей обстановкой пореформенной России и тем перенес всю проблему с высот абстрактного обсуждения развития «русской общественной мысли» на почву конкретного социально-экономического анализа.

Тов. Теодорович пытался доказать цитатами, что Ленин рассматривал народничество и «Н.В.» как две совершенно различные вещи и видел в народничестве партию социалистической революции, стремящуюся ликвидировать капиталистический строй. Однако всем хорошо известно, что Ленин, различая ряд этапов и направлений в народничестве, тем не менее подводил и народничество и «Н.В.» под одну рубрику «старого русского

крестьянского социализма», стремившегося к крестьянской социалистической революции» (Соч. т. I, с. 164). Иначе говоря, он отличал субъективное стремление народовольцев к социализму (который ими мыслился в виде Федерации земельных общин и производительных ассоциаций) от объективного значения «Н.В.», как партии мелких производителей, боровшейся с самодержавием за мелкобуржуазный государственный строй, за то, что впоследствии получило название «американского пути» капиталистического развития.

Ленин вел упорную борьбу с идеологами «крестьянского социализма». Он ясно показал неизбежность вырождения революционного народничества в «Друзей народа» и нигде ни одним словом не обмолвился, что из наследства «Н.В.» можно извлечь хотя бы в зародыше идеи пролетарского социализма, марксизма. Достойно поддержки и сочувствия у «Н.В.» Ленин считал лишь революционно-демократическую сторону ее воззрений. Борьба Ленина с народничеством имела значение еще и потому, что подталкивала окончательно к марксизму тех полумарксистов, которые продолжали, вследствие обаяния «Н.В.», называть себя народовольцами.

Таким образом, Ленин и Плеханов дали различные концепции истории «Н.В.». Взгляды меньшевиков и самого Плеханова, ставшего в их ряды, в дальнейшем все более эволюционировали в сторону либеральной оценки народовольчества, но это не должно затушевывать того факта, что и ленинская и плехановская (80—90 гг.) постановки вопроса были марксистскими, хотя и обозначали два различных этапа в развитии марксизма. Естественно, что мы, стоящие на плечах Ленина, видим теперь, при свете исторического знания, недостатки критики Плехановым народничества, сыгравшей в свое время огромную историческую роль и оказавшую влияние на всю последующую марксистскую литературу.

Неправильно, наконец, противопоставлять Покровского Ленину, зачисляя первого чуть не в либеральные историки: хотя в оценке социальной сущности народничества Покровский стоит на плехановской точке зрения, но признание им революционности крестьянства сближает его с Лениным. Тов. Теодорович доказывает Покровскому, что народники не пренебрегали массами. Но против этого не возражал даже Богучарский. Народовольцы действительно вели пропаганду в народе, напр. среди петерских рабочих, но считали, что в данный момент работа в народе является напрасной трата сил и что все средства должны быть направлены на осуществление основной задачи—организации террора и захвата власти. А либеральная концепция Богучарского как раз и отрицала революционность «Н.В.» и в этом резко расходилась и с Покровским, и с Плехановым, даже его меньшевистской поры, когда он существенно изменил свой взгляд на историческое значение «Н.В.».

Не имея времени для освещения «неверных и политически вредных» взглядов т. Теодоровича, т. Малаховский отсылает слушателей к своей статье: «Правда ли, что народовольчество предвосхитило ленинизм?»

Э. Газганов. Работа т. Теодоровича, вокруг которой развернулась настоящая дискуссия, претендует на полную оригинальность трактовки «Н. В.» и направлена своим критическим острием одновременно и направо—против либерально-буржуазной концепции Морозова, и налево—против представителя ортодоксально-марксистской историографии—М. Н. Покровского. Однако т. Теодорович имеет своих предшественников и не является новатором в своем истолковании «Н. В.». Совсем недавно, в дискуссии о Чернышевском Ю. М. Стеклов выставил тезис: «Чернышевский набрасывает программу революции вроде той, какая была

осуществлена нашим пролетариатом в Октябрьские дни 1917 г.» («Н. Г. Чернышевский», т. I, с. 82). Эта постановка вопроса совершенно совпадает методологически с выступлением Теодоровича. Еще раньше т. Мицкевич в статье, посвященной анализу бланкизма-якобинства, нашел в прокламации «Молодой России» много таких лозунгов, которые претворены... в жизнь Октябрьской революцией... «Нехватает только одного—пролетариата» («Пролет. рев.» № 6—7 за 1923 г., с. 8); там же он признает, что «русская революция в значительной степени произошла по Ткачеву» (с. 18). Программу «Н.В.» т. Мицкевич прямо считает «этапом перехода от народничества к революционному марксизму». Но есть у т. Теодоровича предшественники и по ту сторону баррикады: экономисты, а позже меньшевики упрекали большевиков в подражании народовольцам, а на днях Н. Жордания в брошюре «Большевизм» подтверждал, что большевизм вообще ничего общего с марксизмом не имеет и целиком заимствовал свои идеи у Ткачева и народников 70-х годов (с. 56 и 82), в частности идея нэпа была предвосхищена Тихомировым. Эсэры еще в 1903 г. отказывались видеть различие между своим и ленинским пониманием стихийности и сознательности в революционном движении, марксизм они отождествляли с реформизмом, а большевизм, признающий насильтственный захват власти—с народовольчеством.

Основная ошибка т. Теодоровича в том, что он неясно представляет себе двойственную природу народничества и, абстрагировав одну сторону теории революционного народничества, механически связывает ее с марксизмом. Толкование Теодоровичем документов «Н.В.» совершенно произвольно. По утверждению т. Теодоровича:

1. у народовольцев имеется понимание необходимости «профессиональной, просветительной, кооперативной и партийной организации пролетариата» (с. 10);

2. у народовольцев можно найти «неясные, совершенно зародышевые указания на гегемонию пролетариата» (с. 12);

3. у народовольцев можно найти «некоторое понимание вопроса, откуда растет буржуазия: городской капитализм растет, как впоследствии говорил Ленин,—из «кулака», из мелкой буржуазии» (с. 13).

Последняя цитата показывает, как мало отвечают выводы т. Теодоровича действительным взглядам народовольцев. Соответствующее место в документах «Н.В.», на которое ссылается т. Теодорович, гласит: «Русский буржуа остается до сих пор хищником, капитализм как основа производства не имеет у нас даже будущности и выражается не в социализации труда, а в простом разобщении народа от орудий труда. Так что наша буржуазия представляет кулачество (разрядка автора—Э.Г.) и не может иметь в народе другой силы, кроме чисто материальной» («Литература партии Народной Воли», М. 1907, с. 208). Другими словами, народовольцы, как и все народничество в целом, стояли на той точке зрения, что буржуазия является каким-то наростом на «народном производстве», что «кулачество» не имеет никакой почвы в строем народного хозяйства и может существовать и развиваться только благодаря поддержке государства. Никогда народники не говорили, что из кулака растет городской капитализм. И то кардинальное положение, которое выдвинул марксизм в лице Ленина в борьбе с этими взглядами, т. Теодорович извращает и сводит к простому повторению этих взглядов.

4. «Народовольцам не чужда была в зародышевой форме» идея... единого, планового, коллективного производства, руководимого из единого центра» (с. 21). Т. обр. выходит, что идея «Госплана», до которой мы

додумались с большим трудом, идя сложным и извилистым путем, была уже у народовольцев...

5. Народовольцы якобы уже нащупывали следующие четыре момента: 1) необходимость слома, разрушения старой государственной машины; 2) необходимость создания «государства советов», причем в дальнейшем мы узнаем, что у них была и идея съезда советов и идея союзного правительства; 3) необходимость взращивания, пользуясь помощью государства, элементов социалистической экономики; 4) необходимость так называемого «переходного периода» (с. 36). В другом месте т. Теодорович пишет, что у «Земли и Воли» была идея «военного коммунизма». «Народная Воля» сделала шаг вперед и имела уже нечто вроде идеи нэпа. Иначе говоря, в период военного коммунизма мы односторонне заимствовали взгляды у землевольцев, в период перехода к нэпу мы стали на правильную точку зрения, которая была намечена народовольцами.

6. «Настороженность» народовольцев против «безнравственных» людей (мы говорим теперь: «разложившихся»), против чиновников (мы говорим: «бюрократов»)—дышит прямой современностью!» (с. 380).

7. Идея всеобщей забастовки, которая ожесточенно дебатировалась в социал-демократической литературе, к которой германская социал-демократия подходила под влиянием русской революции—этот идея, оказывается, была у народовольцев (с. 43).

Народовольцы говорят: когда мы производим террористические акты, было бы хорошо, чтобы закрывались фабрики и заводы. Это—идея «всеобщего беспорядка», между тем как в основе всеобщей забастовки лежит идея остановки всей хозяйственной жизни, идея ослабления государства перед вооруженным восстанием, в качестве подготовки к вооруженному восстанию.

8. В вопросе о нацименьшинствах к позиции народовольцев, оказывается, нечего прибавлять (с. 45).

9. Идея международной социалистической революции (с. 45). Откуда эта идея взята?—Из прокламации Исполнительного комитета, адресованной «офицерам русской армии». В этой прокламации говорится, что русские офицеры будут бороться за равенство, справедливость и свободу во всем мире.

10. По вопросу о стихийности и сознательности, по словам т. Теодоровича, «их (народовольцев—Э. Г.) взгляд приближается к взглядам Ленина» (с. 46). Не правильнее ли сказать, что взгляды Ленина приближались к взглядам народовольцев?

Наконец, 11. По вопросу о партии: «форменное предвосхищение идеи Ленина» (с. 470). Только «вместо «народ» надо ставить «пролетариат». Только это «только» и находит т. Теодорович по вопросу о партии.

Тов. Теодорович определяет социальную основу «Н.В.» как пауперизирующуюся товаропроизводителя, гибнущего под колесницей капитализма. Ленин видел эту основу в крестьянине, протестующем «против крепостничества» (стародворянское наследие) и буржуазности (новомещанское). С нашей точки зрения только первый тезис прогрессивен и революционен; протест же против капитализма—есть утопическая попытка мелкого хозяинчика остановить историю. Таким образом, реальная борьба народа направлена против крепостничества, за американский путь развития капитализма. Как же мог опыт этой борьбы лечь в основу ленинизма? Тов. Теодорович принял псевдосоциалистическую оболочку народа, прикрывающую реакционное стремление мелкой буржуазии «преводолеть» капитализм, за основное и попытался связать эту реакционную

теорию с пролетарским социализмом. Таким образом, выпало то действительно революционное содержание «Н.В.», которое было связано с борьбой за аграрный переворот.

В народовольчестве были различные направления от либеральных до анархических, но «пролетарско-демократическая (т. е. ссср-демократическая—Э. Г.) струя, по словам Ленина, в общем потоке народничества... не могла выделиться», т. к. рабочее движение «едва зарождалось» (т. XX, ч. 1, с. 451). Этим на голову разбивается концепция т. Теодоровича.

М. Поташ указывает, что т. Невский смазал различие во взглядах Ленина и Плеханова на «Н.В.» и стал на позицию либерально-буржуазной концепции народничества в вопросе о славянофильских корнях этого движения. Последняя теория не выдерживает критики, т. к. одна и та же идеология не может принадлежать двум антагонистическим классам: дворянству и крестьянству.

Тов. Теодорович, оперируя различиями научного социализма от утопического, крестьянского от мещанского, строит свои классификации совершенно формально, даже не пытаясь выявить классовую подоплеку этих течений. Напр., утопистов он делит на «левых», «правых» и «центр» и относит к правым Оуэна, Фурье, Л. Блана и Герцена. Между тем Ленин считал социализм двух первых «предвестником того класса, который... вырос теперь... в массовую силу, способную положить конец капитализму» (т. XX, ч. 1, с. 359), а «социализм» двух последних считал «прекраснодушной фразой...», в которую облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия». С точки зрения Ленина, крестьянский социализм есть лишь разновидность мелкобуржуазного (т. VI, с. 543—544). Тов. Теодорович переносит на мелкобуржуазный социализм в России характеристику некоторых западноевропейских течений утопического социализма, дав им к тому же преувеличенную оценку. Таким образом, получилось, что народничество боролось почти исключительно против капитализма, что резко противоречит ленинской оценке русского крестьянского движения, как направленного главным образом против абсолютизма и пережитков крепостничества, чего, конечно, не могло быть в это время на Западе (т. I, с. 387).

Напомнив, что т. Мицкевич в одной из своих статей 1925 г. («Каторга и ссылка») утверждал, будто объективная обстановка, в которой выросли большевизм и мелкобуржуазный утопический социализм в России, была одна и та же,—т. Поташ призывает не забывать, что марксизм есть явление мировое, заимствованное русским пролетариатом на известной ступени его развития, а не выросшее самобытно в России из каких-то старых теорий, выражавших интересы мелкого производителя.

Так понимать эволюцию отдельных групп народников к марксизму—значит стирать грани между идеологиями двух различных классов.

С. Мицкевич характеризует ранее выступавших ораторов, как людей «непомнящих родства», признающих своим учителем одного Маркса и забывших о его предшественниках. Это—идеалистический подход, игнорирующий ту материальную почву, ту русскую действительность, из которой вырастал большевизм. Ленин и Энгельс совершенно иначе оценивали значение «предшественников русской социал-демократии» и великих утопистов, которые гениально предвосхитили множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно».

Выступавшие указывали, что русская действительность сильно изменилась за время от «Н. В.» до возникновения соц.-демократии, но при этом они забывали, что многое осталось неизменным, что остатки

крепостничества дожили не только до образования Группы Освобождения Труда, но и до 1917 г. Но разве Ленин ценил в народовольцах только борцов против крепостничества и самодержавия? Нет, он видел в них людей, веривших «в возможность крестьянской социалистической революции» и боровшихся «против основ современного общества» («Что такое друзья народа?»). Ленин резко противопоставлял старых народников как социалистов либералам, хотя в «Н. В.» были, конечно и либеральные элементы, так как, по словам Ленина, народовольцы «постарались привлечь в свою организацию всех недовольных». Все же основной классовой базой народовольчества были: разоряющееся крестьянство, ремесленники и кустари и нарождающийся пролетариат. «Н. В.» сочувствовала и часть промышленной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, отсюда либеральное течение в «Н. В.». Но оратор указывает, что в своей статье в «Пролет. революции» (№ 6—7 за 1923 г.) он имел в виду основное революционно-демократическое течение и левое крыло «Н. В.». Нет ничего удивительного в том, что утверждение автора статьи, будто большевики унаследовали идею захвата власти от Ткачева и народовольцев, внешне совпадает с основной мыслью брошюры Жордана. Разница в том, что большевиком это наследство оценивается, как положительный факт, а меньшевиком, отвергающим захват власти, — конечно, как отрицательный.

Цитируя программу рабочих членов партии «Н. В.» (№ 8—9 «Н. В.») и письмо Исп. ком. («Группа Освобождения Труда» «Сборн.» 3, с., 144), т. Мицкевич отметил «гениальные предвосхищения» левого крыла народовольцев в вопросах тактики революции, организации восставшим народом революционной власти и методов экспроприации помещиков и капиталистов. Ошибочно думать, что «Н. В.» рассчитывала на захват власти путем голого заговора. Последний они считали осуществимым только на гребне высокого подъема народного движения: крестьянских бунтов, рабочих забастовок, общего политического брожения. Вопреки мнению, поддерживаемому эсерами, «Н. В.» предполагала произвести экономический переворот непосредственно после захвата власти, до созыва Учредительного собрания. Эта программа была для своего времени утопичной, но эта была гениальная утопия, осуществленная впоследствии большевиками. Ленин не боялся назвать попытку «Н. В.» захватить власть «величественной» и не боялся упреков в народовольчестве и заговорщической тактике, которые бросались ему меньшевиками.

Большевизм вырос не из «Черного Передела», который был и для своего времени меньшевистским течением; Ленин и социал-демократы «первого призыва» вышли из народовольчества и «начинали революционно мыслить, как народовольцы» (Ленин). Они взяли от «Н. В.» все, что было в ней хорошего, и при помощи Маркса преодолели ее утопизм.

А. Рындич констатирует тот факт, что противникам Теодоровича не удалось подкрепить доказательствами свое утверждение, будто его концепция связана с правым уклоном. Напротив, своей трактовкой «Н. В.», целиком заимствованной у Плеханова, они сами стали на меньшевистскую позицию.

Сложная и противоречивая идеология «Н. В.» есть продукт классовой дифференциации крестьянства в 70-х гг., когда из него усиленно выделялись и буржуазные, и пролетарские элементы, привносившие свои собственные оттенки в идеологию «Н. В.». Даже промышленная буржуазия находила своего идеолога в легальном, либеральном народничестве. Идейное же влияние пролетариата на левое народничество обнаружилось между

прочим в том обстоятельстве, что Маркс мог целиком солидаризироваться с целым рядом тезисов «Н. В.»; так напр. между взглядами народников и Маркса на тогдашнюю общину нет никакой разницы. В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» (1882 г.) Маркс, подобно народникам, безоговорочно признает возможность перехода докапиталистических общественных форм непосредственно к социализму, минуя капитализм (ср. также письмо к Зорге 1877 г.). Этот же взгляд разделялся и Энгельсом (в брошюре против Ткачева в 1874 г. и в др. местах). С другой стороны, «Н. В.», а позже «Вестник н. в.» в согласии с Марксом связывали свои надежды на коммунистическое развитие общины с успехом пролетарской революции на Западе.

Народовольцы не могли создать идею советской власти, так как они не понимали классовой природы русского государства («внеклассовое самодержавие»), а поэтому и к переходному типу государства не могли подходить с точки зрения классовых интересов пролетариата. Но они сознавали, что социалистический переворот не совпадает с моментом захвата власти, а представляет собой целую длительную эпоху. Захват власти—только начало революции, в которой развертываются силы народных масс, направленные на экономическое переустройство общества. Таким образом народовольцам отнюдь не чуждо было представление о переходном периоде. Любопытно, что Плеханов, осуждая народовольцев, за их «либерализм», в то же время призывал «русских социалистов» отбросить «фантастическую цель» захвата власти и социалистической революции, чтобы не запугивать «красным призраком» либеральную буржуазию, готовую сотрудничать с ними для «завоевания свободных политических учреждений» (т. II, с. 83, 344).

Народовольчество—по взгляду т. Рындица—не исчерпывается понятием утопического социализма. В нем много элементов научного социализма. Эклектик Лавров был первым пропагандистом марксизма, но от него нельзя провести прямой линии к социал-демократизму, как это делает т. Сергиевский. Этот путь развития захватывает и Ткачева, и «Землю и Волю» и, наконец, «Народную Волю».

М. Югов. Настоящая дискуссия о «Н. В.», в сущности говоря, вылилась в спор об исторических корнях большевизма и оставила в стороне детальную оценку «Н. В.», ее различных течений и этапов ее развития. Достигнуто более ясное понимание ленинской трактовки народничества и в частности его героической эпохи, намечен правильный методологический подход к проблеме, отвергнуты крайности двух оценок «Н. В.»—как скачка к либерализму (Невский) и как источника идейных основ большевизма (Теодорович, Мицкевич и Рындич).

Можно, конечно, говорить о некоторых аналогиях между отдельными мыслями «Н. В.» и идеями большевизма, но переоценивать эти аналогии невозможно, хотя бы потому, что в движении «Н. В.» был ряд весьма различных течений: центральное-желябовское, либеральное, чернопередельское, лавровское, «федеративная» группа Лопатина, группы Якубовича, Флерова и мн. др. Тов. Мицкевич в своей статье утверждал невозможные вещи, вплоть до того, что русские якобинцы провидели Октябрьскую революцию (Ткачев). Автор упустил из виду, что предпосылки Октября были созданы позднейшим развитием капитализма, мировойвойной и пр. Он ограничился чисто формальным сходством.

Но вместе с тем совершенно неправильно видеть в народовольцах чуть ли не предшественников к.-д. Ошибка т. Невского в том, что им недостаточно продумана сущность крестьянского социализма. Ленин

всегда рассматривал народничество, крестьянский социализм, как идеологическую оболочку борьбы против крепостничества за американский путь развития, т. е. объективно за наиболее прогрессивный тип капиталистического развития России. Не только 1905 г., но даже февральская революция 1917 г. не разрешили этой задачи демократической революции, а т. Невский видит в «Н. В.» предшественнице буржуазно-помещичьей партии, боровшейся за победу прусского пути развития. Теодорович делает другую ошибку, преувеличивая различие между крестьянским и мещанским социализмом, забывая, что и тот и другой являются идейной оболочкой буржуазно-демократического движения. Нельзя впрочем забывать и другого: крестьянский социализм объединял не только буржуазные элементы, крепко вросшие в товарно-денежные отношения, но и беднейшие слои крестьянства, в недрах которых формировался пролетариат. Отсюда слабые струи пролетарского социализма в народовольчестве. После окончательного отификации марксистского пролетарского потока 90-х гг., который взял на себя борьбу за последовательное осуществление демократии, эпигоны народничества растеряли наследие «Н. В.», отказались от разрешения задач буржуазно-демократической революции.

Ц. Фридлянд полемизирует против утверждений т. Теодоровича, будто молодые историки-марксисты не желают считаться с революционным опытом предшествующих поколений. Для того, чтобы усвоить опыт прошлого, следует трезво изучить процесс разложения мелкой буржуазии, роста и оформления пролетариата как класса, качественно отличного от массы мелких производителей, не поддаваясь при этом соблазну искать аналогии между якобинизмом и пролетарским революционным движением. Наследие «Н. В.» можно искать только по линии разложения мелкой буржуазии и выделения из нее элементов пролетариата, несущего в себе зародыши нового учения. Правильное решение проблемы о «наследстве» мелкобуржуазного социализма возможно лишь при строго выдержанном марксистском подходе к исследованию. У Маркса в одной из рецензий на работы Б. Бауера о христианстве высказана мысль, что в каждом данном историческом явлении мы должны изучать главным образом то, что в нем остается от прошлого, а не столько содержащиеся в нем зародыши будущего. Эта мысль должна удержать наших историков от естественного желания открывать в Марате, Бабефе или народовольцах большевиков. Метод т. Теодоровича лишает нас возможности выяснить конкретное перерастание опыта прошлых поколений в опыт пролетарской борьбы.

Это между прочим раскрывается в предложенной им периодизации революционного движения. Тов. Теодорович объединяет в своей схеме Луи Блана, Оуэна и Фурье на том основании, что и Луи Блан был противником насильтственных методов революции. Между тем такое объединение чудовищно, ибо отношение этих деятелей к якобинизму, к Великой французской революции и революции вообще было совершенно противоположно. Далее, Теодорович говорил о «бабувизме» как течении, существовавшем без изменения до конца XIX в., и относил к нему между прочим «Н. В.». Для этого, понятно, нет никаких оснований. Впрочем и другая аналогия—с бланкизмом—страдает тем недостатком, что т. Теодорович забывает, что бланкизм 70-х годов XIX в. не имел уже ничего общего с бланкизмом середины века, когда бланкисты подписывали вместе с Марксом и Энгельсом декларацию о диктатуре пролетариата.

Якобинизм вырождался во второй половине века в то, что мы называем радикал-социализмом.

В своей статье Теодорович призывал не подменять оценку всего народничества оценкой правого или левого его крыла. В докладе он упрекал своих оппонентов в том, что они не считаются с отдельными течениями народничества. Между тем сам он в своей работе незаметно превращает историю народовольчества в историю одного его левого крыла.

На двух примерах т. Фридлянд доказывает неправильное толкование т. Теодоровичем текстов «Н. В.»; в частности, он утверждает, что Теодорович принял за лозунг диктатуры пролетариата и советской власти типично радикально-демократическое требование плебисцита, как поправки к Учредительному собранию. В заключение т. Фридлянд ставит Теодоровичу вопрос о его принципиальном отношении к исторической схеме М. Н. Покровского, против которой он начинает свой поход, и к результатам борьбы молодого поколения за марксистско-ленинскую историческую науку, а также спрашивает его, считает ли он возможным и после дискуссии смазывать грань между идеологией мелкой буржуазии и пролетариата и находить у народовольцев советскую власть, ЦК, нэп, Госплан и т. п.

П. Горин. Вопрос стоит не о том, принимаем ли мы наследие «Н. В.», а каково было это наследство: была ли «Н. В.» прямой предшественницей революционной социал-демократии, или мы должны, говоря о революционном движении конца 70 гг.—народовольчестве и первых рабочих организациях,—видеть тактический блок мелкобуржуазного революционного движения и нарождающихся соц.-демократических рабочих организаций. Ревизия в этом вопросе схемы М. Н. Покровского со стороны т. Теодоровича есть в то же время ревизия ленинизма, ибо М. Н. Покровский стоит на ленинском понимании народовольчества. Особая заслуга М. Н. Покровского заключается в том, что он вскрыл в «Н. В.» антагонистические элементы, из которых одни росли к либерализму, а другие к социал-демократии. Выступление т. Теодоровича против т. Покровского, кроме того, построено на искажении мыслей последнего, на неправильном цитировании, но сомнительно, чтобы этот прием был убедителен для историков-марксистов.

Столь же нелепо утверждение, поддерживаемое т. Малаховским, будто М. Н. Покровский в оценке «Н. В.» стоит на плехановской точке зрения. Ведь именно М. Н. Покровский первый поставил вопрос об истоках меньшевизма у раннего Плеханова и в своих «Очерках революционного движения» вскрыл его недооценку крестьянского революционного движения.

Проблемой настоящей дискуссии следует считать то, что оценка народовольчества давалась вне связи с существовавшими в то время первыми рабочими соц.-демократическими организациями—Южно-русским и Северо-русским рабочими союзами. Между тем легко заметить процесс подчинения значительных кадров «Н. В.» идеологии и требованиям социал-демократических групп, выделявшихся из ее состава. Это запечатлено в воспоминаниях раннего Плеханова, где ярко отражена идейная борьба народовольцев и рабочих организаций в конце 70 гг.

В заключение следует отметить, что ревизия ленинской оценки со стороны т. Теодоровича есть попытка возрождения народнических взглядов, безусловно реакционных в наши дни. И не случайно, пожалуй, что защита народнических предрассудков проводится т. Теодоровичем, который 6 лет назад, на страницах «Большевика» защищал работы Кондратьева и Огановского.

Е. Ярославский. Ошибка историков как молодых, так и старых, занимавшихся «Н. В.», заключается в недостаточном использовании ленинских оценок. Нельзя согласиться с тем, что Ленин и Плеханов одинаково относились к народовольчеству, как это делает т. Невский и другие. Плеханов,—как и вся группа Черного Передела, как почти все меньшевики, не умел правильно оценить революционный демократизм «Н. В.», ее ставку на крестьянство, как на одну из важнейших движущих сил революции. В письме к И. И. Скворцову-Степанову в 1911 г. Ленин назвал теорию «реакционности крестьянского движения» одной из особенностей русского оппортунизма. В этой теории в значительной мере сущность меньшевизма и троцкизма. Вот почему, когда Ленин в 1905 г. выдвинул лозунг «земли и воли», ему приходилось защищать его не только против меньшевиков, но и против ряда товарищ, видевших в этом какое-то воскрешение народовольчества («неонародничество», как сказали бы теперь). Конечно, большевики ни в какой мере не были народовольцами, как то пытались изобразить меньшевики, но большевики всегда умели четко подчеркнуть то революционное, что воплотила «Н. В.». Поэтому совершенно неправ был т. Газганов, который не понимает, почему меньшевики называли нас народовольцами, который даже не сумел поставить вопроса о наследстве, когда он, цитируя меньшевиков, сам сбивался в сущности на неленинскую оценку «Н. В.». В такой же связи я считаю совершенно неприличным выступление т. Татарова относительно «демьяновой ухи». Т. Татарову, как молодому историку, совершенно недопустимо было ухватиться в полемике против т. Теодоровича за неправильное, меньшевистское утверждение Плеханова и взять то оружие, которое Владимир Ильич осудил, т. е. возвратил Плеханову,—взять это оружие теперь против т. Теодоровича.

Вопреки утверждению т. Малаховского, мы и в юбилейные дни можем и должны отнести к «Н. В.» с наибольшей объективностью, так как мы ценим то положительное, что взяли от нее. Поэтому мы можем и в юбилейные дни остановиться на основных ошибках «Н. В.». Одной из важнейших ее ошибок было идеалистическое представление о государстве. Несмотря на разнообразие взглядов, царившее в «Н. В.», в ней все же преобладала анархическая точка зрения на власть, как на надклассовое учреждение (см. программные положения в № 2 «Н. в.»). При таком понимании сущности государства невозможна никакая правильная политическая программа, а тем более предвидение советов, нэпа и пр. Тов. Теодорович в этом вопросе неправильно изложил взгляды народовольцев, отсюда у него и ошибочные выводы.

Другая ошибка «Н. В.»—в оценке социализма. Ленин признавал характернейшей чертой «Н. В.» ее веру в крестьянскую социалистическую революцию («О социализме и «Н. В.»). Поэтому неправильно видеть в народовольцах вообще только «либералов с бомбой», хотя нельзя отрицать, что в «Н. В.» были радикальные элементы, лишь прикрывавшиеся социалистической фразой. В «Друзьях народа» Ленин дал суровую критику народнического социализма; позже (в одной из статей 1918 г.—о блоке с левыми с-р) он показал и «здоровое ядро» революционного народничества; это здоровое ядро заключалось в том, чтобы заставить основные массы крестьянства итти не за буржуазией, а вместе с рабочим классом по пути социализма.

Тов. Газганов недооценил революционного якобинства в народовольчестве. Но якобинство, о котором мы говорим, конечно, нужно понимать в том смысле, в котором о нем говорил Ленин, отвечая на

обвинение большевиков в якобинстве: «якобинство неразрывно связано с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы. Это и есть революционные соц.-демократы, т. е. большевики». В эпоху «Н. В.» таких организаций пролетариата, конечно, не было,—они лишь намечались. Впрочем правы были те товарищи, которые указывали, что влияние зарождающихся рабочих групп в народовольчестве было весьма значительно, несмотря на то, что часть народников (Лавров, напр.,) относились к самостоятельному рабочему движению с большим недоверием. Так же относилась часть народовольцев и к программе политического заговора, насильтенного захвата власти, провозглашенной «Н.В.». Это не помешало Ленину взять на себя защиту заговорщической тактики «Н. В.» против органов экономистов («Рабочей Мысли»).

Конечно, не прав т. Теодорович, отыскивая у народовольцев идею гегемонии пролетариата; для возникновения этой идеи не было социально-экономических предпосылок. Тов. Теодорович в этом случае идеализирует «Н. В.». Но неправы и те товарищи, которые ограничивают право историка прибегать к аналогии. Ленин не чурался даже таких признаний, что существует полное сходство между отдельными нашими требованиями и требованиями «Н. В.» (см. напр. статью 1901 г. «Гонители земства и ганнибалы либерализма»). Но, прибегая к аналогиям, нужно осторегаться таких выводов, которые по сути дела уже не являются просто аналогиями, когда смешивают то, что «Н. В.» думала осуществить в рамках капиталистического государства, и то, что мы создаем в условиях пролетарской диктатуры.

Признавая заслуги утопического социализма в формировании идей научного пролетарского социализма, нельзя забывать, подобно Лаврову, и принципиальных отличий этих систем, разницу во взглядах на общину, на судьбу капитализма в России, на экономический материализм и проч.

Важный вопрос об эволюции народничества так же нашел свое разрешение у Ленина. Ленин решительно отвергает весьма распространенную у нас схему развития двух ветвей «землевольчества»: одной—через «Черный Передел» и «Группу Освобождения Труда» к социал-демократии, а другой—через «Народную Волю», народоправство и освобождение к эсэрству. Из этой схемы выпадают те немногие рабочие кружки, которые не прымкали полностью ни к «Черному Переделу», ни к «Народной Воле», те народовольцы, которые, подобно Халтурину, тяготились тем, что террористическая борьба, поглощая все их силы, мешает им работать среди рабочих. Ленин, неоднократно подчеркивая, что социал-демократия преимущественно связана с «Н. В.», дает другую, подлинно диалектическую схему развития революционного движения в России.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

И. Татаров. Выступления тт. Теодоровича, Мицкевича и Рындича составляют логическое продолжение попыток искать крестьянское корни ленинизма, определить ленинизм из отношения к крестьянскому вопросу. Эти попытки делались особенно усердно в 1924—1925 гг. (ср. работу Зиновьева). Важнейшая ошибка этих трех товарищей заключается в том, что они смотрят на «Н. В.» как на изолированное явление, несвязанное с предшествующим и последующим развитием народничества. Это резко противоречит взглядам Ленина. Переходя к классовой характеристике народовольчества, оратор указывает, что фронт борьбы крестьянства

с остатками крепостничества за «американский путь развития»—определял самую сущность народовольчества. «Н. В.» поставила также и вопрос о капитализме, но не разрешила его. В крестьянском социализме следует отметить две черты—утопическую и реакционную. Маркс многое заимствовал у утопистов, но что взял большевизм от лавровских, бакунинских и ткачевских идей, от идеалистической теории народничества?—Ничего. Поэтому неверно сближение «Н.В.», с левым крылом бабуизма. Бабуизм имел буржуазную революцию позади, а народничество—впереди себя. Народовольцы в своих воспоминаниях вовсе не изображают себя социалистами, они считают себя борцами с самодержавием. Эта борьба облекалась ими в социалистические одеяния, и это было вполне естественно, так как «неразвитое экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений»¹¹.

В 70-х годах тенденция превращения крестьянина в мелкого хозяйчика была скрыта от современников, но она была, и теперь мы не можем ее игнорировать.

На вопрос оратора, продолжает ли т. Теодорович настаивать на том, что в «Н. В.» следует видеть родоначальника большевизма и ленинизма, т. Теодорович с места отвечает утвердительно.

Говоря об историографии «Н. В.», оратор указывает, что Ленину пришлось бороться одновременно с двумя оценками народовольчества—меньшевистской (также и Плехановской) и народнической. Первая из них рассматривала народовольчество как идеологию натурального хозяйства и игнорировала революционно-демократическую струю в народничестве. Оратор отмечает, что в докладе т. Невского нет нужного отмежевания от неправильных, меньшевистских взглядов Плеханова в этом вопросе. С другой стороны, Ленин боролся с народническим направлением, шедшим от Михайловского к Чернову и пытавшимся скрыть классовую основу движения. С этой последней точки зрения народовольчество было социалистическим движением «трудового народа», в котором нет надобности различать крестьян от рабочих. Тов. Теодорович скатывается к этому пониманию «Н. В.» как вождя «трудового народа», по-народнически понимая связь демократического движения с социалистическим. Тов. Рындич пошел еще дальше т. Теодоровича в сближении социалистической идеологии «Н. В.» с пролетарским социализмом и прямо заявил, что Маркс был целиком согласен с народниками в своем понимании некапиталистической эволюции. Таким образом выходит, что идея некапиталистической эволюции, записанная в программе Коминтерна—есть идея, взятая от народничества. Такие попытки воскрешения народнических взглядов в настоящее время представляют политическую опасность, так как они игнорируют то, что у мелких производителей есть тенденции к капитализму, что из крестьянства растут капиталистические элементы.

И. Теодорович. Дискуссия показала, что марксистское изучение «Н. В.» только еще началось, и в среде историков царит величайшее разнообразие мнений: почти все ораторы выступали с взаимно исключающими суждениями.

¹¹ Ленин, Собр. соч. т. VIII, с. 256—57.

Полемизируя с Татаровым, т. Теодорович доказывает, что толкование Татаровым ленинской характеристики «Н. В.» в том смысле, что в народовольчестве важна только демократическая струя, только идея «демократического капитализма», стирает всякое различие между Лениным и Плехановым¹².

Между тем тот же Татаров утверждает, что он опровергает плехановскую концепцию.

Отвечая на упрек т. Горина в том, что им не учтено значение пролетариата как гегемона революции, т. Теодорович цитирует те места своей статьи, где «классом-организатором, классом-вождем» признается «лишь пролетариат».

Особенностью дискуссии было то, что почти никто из выступавших не цитировал ни Маркса, ни Энгельса, ни Каутского (той поры, когда он был «главой ортодоксального марксизма»). Это вносило в прения оттенок национальной ограниченности и разрыва генетических связей. С другой стороны, бросается в глаза, что высказывания Ленина, относящиеся к разному времени и к разным ситуациям, принимались без всяского анализа. Между тем существенные для данной темы суждения Ленина о возможности некапиталистического пути развития, о пределах товарности крестьянского хозяйства, о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства,—все они относятся к более позднему времени (резолюция II конгресса Коминтерна, статья о продналоге и т. д.); при их наличии более ранние и как бы противоречащие им высказывания должны быть понимаемы диалектически с учетом изменения ситуации. Окончательная точка зрения Ленина на возможные пути развития мелкого производителя такова: без пролетарской революции на Западе или внутри страны победа над феодализмом и самодержавием ведет к тому, что простое товарное производство будет бурно перерастать в капиталистическое; напротив, в случае победоносной социалистической революции крестьянство может пойти путем некапиталистического развития. Таков же был взгляд и Маркса на «Н. В.».

Далее, цитируя М. Н. Покровского¹³, Теодорович противопоставляет его фразу «русская деревня была буржуазна, не понимала социализма и по-буржуазному относилась к бедности» учению Ленина о том, что в крестьянстве надо различать бедноту, середняка и кулака и что «коренных расхождений между трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами и пролетариатом нет. Только социализм может удовлетворить их интересы», Теодорович отмечает, что эти слова оправданы современной политикой партии в деревне и тягой не только бедняков, но и середняков в колхозы.

Тов. Татаров и др. оппоненты готовы все это считать идеализацией мелкого производителя, забывая, что ленинский закон союза пролетариата с трудящимся крестьянством был формулирован им в борьбе против меньшевизма. Докладчик цитирует из «Предшественников новейшего социализма» (Каутского) отрывок о «пролетарском коммунизме средних веков» (с. 219), подставляет на место «пролетариата» (как неправильной модернизации) понятие «мелкий производитель» и затем присоединяется к выводу Каутского: «Великое дело, совершенное марксизмом... заключается в соединении утопического социализма с рабочим движением».

¹² Плеханов, Соч. т. XXIV. с. 109, 112, 116—117.

¹³ Русская история, т. V, с. 207.

Выводы: 1. Социализм «Н. В.»—социализм утопический. 2. Марксизм многое позаимствовал от утопического социализма (напрасно Газанов иронизировал над «госпланом» «Н. В.», ведь и у Фурье существует зародыш идеи планового хозяйства в виде общего производственного плана фаланстера). 3. Следует отличать крестьянский социализм от мещанского. Крестьянский социализм Ленин ценил за то, что тот требовал низвержения капитализма; напротив, в мещанском социализме Ленин видел «основную фальшь... в допущении некапиталистического пути развития земледелия при капитализме».

В. Невский сводит все возражения, сделанные ему, в три группы: 1) докладчик покрасил всех народовольцев под один цвет либералов (Генкина, Малаховский и др.); 2) он не заметил левых течений «Н. В.», их эволюции к марксизму; 3) он рассматривал точки зрения Ленина и Плеханова на «Н. В.» как идентичные.

Цитатами из своей работы о группе «Освобождение труда» докладчик доказывает, что он всегда различал буржуазно-демократические и социалистические прослойки в революционном движении 70-х—80-х гг., что эволюция отдельных кружков к марксизму была им прослежена в результате детального исследования социально-экономических основ народничества, оказавшихся весьма сложными и пестрыми. Уже в 70-х гг. складывались рабочие организации (Северо-русский рабочий союз и др.), от них и началось движение отдельных групп «Н. В.» к научному социализму. Тов. Невский указывает, что только непониманием его слов можно объяснить приписываемую ему мысль, будто Якубович и «Молодая Н. В.» были близки к научному социализму. Это было, напротив, возвращением к пропагандистскому периоду народничества. Единственно научный путь изучения народовольчества—это изучение его на всех стадиях развития и во всех его разветвлениях; при этом необходимо развитие идеологии «Н. В.» тесно увязать с изменениями социально-экономической основы движения. Если так подойти к теме, то не трудно убедиться, что в известные исторические моменты либеральная струя была достаточно сильна и устойчива в «Н. В.». Памятником ее было письмо Исполнительного Комитета к Александру III и ряд других документов.

Анализируя характеристики «Н. В.», данные Плехановым и Лениным, докладчик отмечает, что наряду с несомненными отличиями в оценке ими корней народовольчества имеется и много общего: напр., в признании обоими исторической связи между народовольчеством и славянофильством. Эта связь подтверждается и Энгельсом (письмо к В. Засулич в 1895 г.). Такая стойкость идеи «самобытного развития» зависит от большого социального веса в нашем государстве мелких производителей.

В заключение докладчик указывает т. Теодоровичу, что данная им характеристика русского крестьянства, как вполне готового войти в социализм под руководством пролетариата—одностороння, так как не учитывает тех элементов мелких производителей, которые растут в капитализм и сопротивляются колективизации. Эта односторонность политически вредна, и против нее выступали молодые историки, твердо усвоившие ленинское учение о расслоении крестьянства и о внутренней борьбе в нем бедняцкой части с кулацкой верхушкой.

Теодорович прав, указывая на зародыши идей пролетарского социализма у народовольцев. Эти следы можно найти у всех утопистов. Но нельзя смешивать мечты мелкого производителя о госплане с осуществлением последнего пролетариатом, притом в союзе не со всем крестьянством.

а лишь с теми его элементами, которые готовы идти вместе с ним к социализму.

Заслуги «Н. В.» в революционной борьбе огромны, поэтому она не нуждается в том, чтобы ей приписывались чужие заслуги, заслуги вождей и идеологов самого передового и решительного класса современного общества—пролетариата.

М. Савельев (председатель), подводя итоги дискуссии, отмечает, что Общество историков-марксистов сумело дать решительный отпор попытке Теодоровича, Мицкевича и некоторых других товарищей ревизовать взгляды Ленина по вопросу о «Н. В.». Трактовка идеологии «Н. В.» как утопического крестьянского социализма не умаляет исторического значения народовольчества, и партия не отказывается от его революционного наследства. Не следует затушевывать различий в оценках «Н. В.» Лениным и Плехановым, так как даже в ранних суждениях последнего можно заметить элементы меньшевизма. Наконец, дискуссия показала, что проблема взаимоотношения пролетариата и крестьянства, взятая даже в историческом разрезе, сохраняет всю свою актуальность для сегодняшнего дня.

Выходы настоящей дискуссии будут формулированы в специальной резолюции, подготовляемой секцией по истории партии, и несомненно лягут в основу дальнейшего обсуждения проблемы Народной Воли.